

Ева Нагу

Я

ОТВЕРЗУ ТЕБЯ Я

ДОМОМЪ

часть I

Ева Наду

**Я отвезу тебя домой. Книга
вторая. Часть первая**

«Издательские решения»

Наду Е.

Я отвезу тебя домой. Книга вторая. Часть первая / Е. Наду —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-852136-2

Жизнь непредсказуема. Кем бы ты ни был: вернейшим ли слугой Короля или дочерью скромного провинциального графа, всегда есть вероятность, что жизнь твоя перевернется в одночасье и, чтобы выжить, понадобятся все твои силы, мужество и жизнелюбие. Так Клементина де Брассер, все детство проведшая в небольшом замке на берегу Гаронны, и доверенное лицо Короля-Солнца, граф де Мориньер, волею судьбы однажды оказываются в Новой Франции. Им приходится многое преодолеть, прежде чем они снова вернутся Домой.

ISBN 978-5-44-852136-2

© Наду Е.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Прибытие	6
Глава 2. Сила убеждения	9
Глава 3. Вечер триумфа	15
Глава 4. В ожидании зимы	22
Глава 5. Гуси улетаю	27
Глава 6. Встреча	31
Глава 7. Милость или опала?	38
Глава 8. Утесунк	44
Глава 9. Вот ваши земли, монсеньор!	53
Глава 10. Два мира	60
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Я отвезу тебя домой

Книга вторая. Часть первая

Ева Наду

Иллюстратор Сергей Захаров

© Ева Наду, 2017

© Сергей Захаров, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-2136-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Прибытие

Клементина стояла у окна, прижималась лбом к холодному стеклу. Смотрела на мокрую мостовую внизу. Сердито кусала губы.

Они опять поссорились. И она снова досадовала – и на себя, и на него.

Казалось бы, о чём им спорить? Чего ещё желать? Путешествие завершилось удачно. Бурь, которых так опасались капитан Моленкур и его помощник и которые могли необычайно осложнить их жизнь, больше не случилось.

Весь остаток пути океан был неспокоен – это правда. Каждый день, перегибаясь через планшир, Клементина всматривалась в седые пенистые воды, потом взглядывала в небо – искала свидетельства очередного приближающегося кошмара. Пару раз даже пугалась, наблюдая собирающиеся над головой тучи, но капитан только смеялся:

– Всё в порядке. Не тревожьтесь, графиня. Оставьте волнение морю.

Пусть с заметным опозданием, но они достигли земли. Прошли заливом до Квебека. И, проведя последнюю ночь на рейде, поутру ступили, наконец, на твёрдую почву.

Город встретил их радушно. Их приветствовали, им были рады. Толпа, собравшаяся на набережной, смотрела во все глаза. Перешёптывалась, любовалась, оценивала. Сгорала от любопытства.

Барон д'Авогур, губернатор Квебека, ожидал их с видом величественным и одновременно благосклонным. Стоял, опершись на трость. Ждал, когда они приблизятся.

В день прибытия они тоже повздорили. И ей следовало признать, что она была неправа.

Оливье требовал, чтобы она надела лучшее из своих платьев. Настаивал на том, чтобы она дополнила наряд великолепным изумрудным колье – одним из тех, что он преподнёс ей в качестве подарка на свадьбу.

Она сопротивлялась, кажется, уже больше по привычке. Говорила, что это глупо – наряжаться после двух с лишним месяцев тяжёлого плавания для того только, чтобы пустить пыль в глаза встречающим их. Говорила, что будет неудобно, если они окажутся одетыми роскошнее, чем жители Квебека. Лоранс и слушать ничего не желал.

Поупиравшись какое-то время, она всё-таки уступила мужу. И после, положив руку на согнутую в локте руку Оливье де Лоранса, продвигаясь сквозь расступающуюся толпу в сторону ожидавшего их губернатора, окружённого разряженной свитой, Клементина не могла не порадоваться своей небывалой покладистости. Если бы они были одеты менее торжественно, они выглядели бы бедными родственниками.

– Кажется, дамы, что стоят теперь рядом с господином губернатором, нацепили на себя всё, что было у них в шкатулках, – шепнула она мужу.

Он хмыкнул, не глядя на неё.

– Теперь жалеете, что не сделали того же?

*

Им, без сомнения, повезло. Уже в день их прибытия, едва завершив церемонию знакомства, губернатор в компании интенданта и ещё нескольких горожан проводил их в этот дом, расположенный в Верхнем городе, неподалёку от монастыря урсулинок. Двухэтажный, каменный, с несколькими каминами и высокими застеклёнными окнами, дом очень понравился Кле-

ментине. И теперь она сожалела только об одном: наличие тёплого, уютного дома, безусловно, облегчавшее жизнь, нисколько не делало их с Оливье счастливее.

Они раздражали друг друга. И Клементина, как ни старалась, не находила со своей стороны сил этому противостоять.

Вот и сейчас она стояла у окна, смотрела, как спешат по улице пешеходы, как, ожидая у портшеза господина, мокнут под моросящим дождём чьи-то слуги. Время от времени в тщетной надежде взглядывала в низкое, тяжёлое небо – дождь обещал быть долгим. Снова вздыхала и думала: наверное, можно было как-то уклониться от этой ссоры.

Если бы он был более воздержан на язык... если бы она научилась не обращать внимания на его резкости... Будь у них обоих больше терпения и желания понять друг друга, многого можно было бы избежать.

*

Клементина нарисовала на запотевшем стекле человечка с тростью, пририсовала ему длинный нос, потом – ослиные уши. Вдохнув, стёрла всё это одним движением руки.

Она сердится на кого угодно, тогда как злиться должна бы на себя.

Причина этой, последней, ссоры была до нелепости смешна.

Через неделю в доме губернатора планировался бал. И они были на него приглашены. Когда Клементина только услышала об этом, она так обрадовалась. Первый настоящий бал в её жизни!

Если бы она заранее знала, сколько упрёков и утомительных увещаний ей придётся выслушать от мужа, она сразу отказалась бы от присутствия на этом балу.

Но тогда она не предполагала ещё никаких неприятностей. Она поднялась к себе, приказала Николь достать из сундуков всю сшитую перед отъездом одежду. Взялась выбирать то, в чём хотела бы показаться на люди.

Она даже – глупая! – позвала взглянуть на платья Оливье.

Она была так счастлива!

Всё изменилось, когда, бросив короткий взгляд на представленные ему наряды, Оливье сказал сухо, поднимаясь:

– Всё это не годится.

Она надулась.

– Почему?

Ей так нравились её новые платья! Например, синее, с широким кружевом на груди. Оно было сшито из такого тонкого шёлка! Клементина и касалась-то его с опаской – боялась зацепить, повредить как-то гладкую, переливающуюся ткань. Или вон то, густо-зелёное. Разве оно не хорошо?

Она так и спросила:

– Разве оно не хорошо?

И Оливье ответил:

– Прекрасно. В нём, должно быть, очень удобно кормить кур на птичьем дворе. Есть куда насыпать зерно.

Он скривил губы.

– И думать забудьте обо всём этом. Найдите портного. Лучшего в этом чёртовом городе портного. И закажите себе платье. Вы знаете, что такое бальное платье? Ах, дьявол! Если вы не знаете, должен знать портной, в конце концов!

Она глядела в пол. Старалась, чтобы слёзы, которые жгли ей тогда глаза, не излились наружу. Клементина так ненавидела мужа в тот момент, что если бы Оливье только подошёл, коснулся её, она вцепилась бы в него зубами.

Клементина сдерживалась изо всех сил – боялась, только раскрыв рот, сорваться на крик.

Он же перенёс вес с одной ноги на другую – сапоги его тогда жалобно скрипнули. Продолжил говорить. И тон его сделался отвратительно-назидательным.

– Вы меня слышите? На вас станут смотреть, вы будете для них примером. Не потому, что можете быть им, не обольщайтесь, но потому, что вы только что явились сюда из Франции. По тому, как вы выглядите, здешние дамы будут судить о том, что теперь носят при дворе. Неужели вы не понимаете, как это важно – соответствовать их ожиданиям?

Теперь Клементина была уверена: если б она возмутилась, наговорила дерзостей, даже нагрубила бы мужу, она бы сейчас чувствовала себя лучше. Но она промолчала тогда. А, значит, позволила ему продолжать.

– Вы не понимаете? – насмеялся он. – Угрозило же меня жениться на дуручке! И что я должен сделать, чтобы убедить вас? Вы знаете, что такое бал? Это не ваши деревенские танцующие! Это место, где собираются все самые важные, самые влиятельные люди города. Все они – господин д'Авогур, этот интендант... как его... Брандон!.. Монсеньор де Лаваль. Все захотят говорить с вами. Все взоры в это время будут направлены на вас. И вы желаете предстать перед ними оборванкой? Вы не нищая, вы – жена графа де Лоранс. И должны выглядеть соответственно.

Устав, наконец, выговаривать ей, Оливье развернулся на каблуках и вышел из комнаты.

*

С той ссоры они почти не разговаривали друг с другом.

И вот сегодня, когда Оливье в очередной раз заглянув к ней в комнату, спросил, заказала ли она себе к балу платье, она сказала то, что готовилась сказать два последних дня:

– Я не пойду на этот бал.

Он схватил её за плечи:

– Пойдёте! И вы будете одеты так, как надо. И вести себя будете так, как это необходимо. А ваши желания меня не интересуют!

И опять она испытывала к нему одно отвращение.

Глава 2. Сила убеждения

Первое знакомство с новой жизнью не способствовало праздничному настроению.

Был рыночный день. Они – она и Николь – наконец наполнили корзину всем необходимым. И собирались идти домой.

Однако Клементина, которая до тех пор успела перекинуться лишь парой-другой фраз со своими новыми знакомыми, ещё жаждала общения. Она наблюдала краем глаза за тем, как толпящиеся у прилавков женщины приветствовали друг друга, как весело переговаривались между собой, как громко, не смущаясь сторонних ушей, перебрасывались шуточками. И чувствовала какую-то непонятную тоску. Ей хотелось присоединиться к этой галдящей, неутомной толпе – хотя бы и в ущерб репутации.

Но трусиха Николь, в тот день сопровождавшая её на рынок, озиралась по сторонам и, кажется, только и мечтала о том, как бы поскорее оказаться под защитой каменных стен их нового дома. Видя это, Клементина отправила нагруженную продуктами служанку домой – заниматься обедом, а сама, вслед за женщинами, которые, закончив с покупками, не сговариваясь между собой, направились в расположенную на углу таверну, тоже заглянула в наполненное дивными ароматами заведение.

Клементине очень хотелось пить. И её мучило любопытство.

Зайдя внутрь, она направилась напрямик к стойке, спросила воды. Улыбчивый трактирщик заговорил быстро: он, безусловно, может налить госпоже воды с сиропом, но, возможно, госпожа предпочтёт что-нибудь иное? Например, капельку малаги? Это великолепное десертное вино. Откуда в Квебеке испанские вина? Ах, если бы госпожа знала! В Квебеке можно найти всё! Было бы желание. Здесь торгуют все, кому не лень, и всем, чем угодно. Только священники ещё как-то удерживаются от соблазна. Да и то он не вполне в этом уверен.

Он улыбался радушно, продолжал болтать. И Клементина, слушая его со всем вниманием, улыбалась в ответ.

Там же она познакомилась с молодой, симпатичной галантерейщицей. Заметив растерянность Клементины, девушка пригласила её за свой стол. И они сидели, потягивали вино и разговаривали.

Галантерейщица, как и трактирщик, была не прочь поболтать. Она рассказывала о себе, о своём муже, о ребёнке-первенце. Сетовала на предстоящие зимние холода, жаловалась на одиночество. Много говорила о том, как трудно приходится в Новой Франции тем, кто не имеет достаточно средств.

– Некоторые, – делилась она с Клементиной, и в голосе её звучала зависть, – из сообразительных да ловких, привозят с собой из Франции всякую серебряную утварь. Там она, конечно, тоже кое-чего стоит. Но здесь... Здесь серебро в любом виде – самое надёжное обеспечение. Отдаёшь при необходимости посуду в переплавку – и на тебе! – опять можно какое-то время чувствовать себя богачом. А вот что делать остальным?

Клементина знала, что переплавка серебра и золота и изготовление из них монет во Франции считались тягчайшим преступлением. Виновных в нём ссылали на галеры, а иных и вовсе приговаривали к смерти. Но именно тогда, когда она слушала быструю речь своей новой знакомой, ей показалось ужасно глупым, что, отправляясь в Новый Свет, они не подумали о таком способе обеспечить себе безбедное существование.

Спустя час-полтора, направляясь домой, она всё ещё размышляла о том, как им теперь следует выстроить жизнь, чтобы однажды не оказаться без средств.

*

Если бы Оливье не был так высокомерен в тот день, она, возможно, задала бы ему этот вопрос. Она почти собралась. Всё раздумывала, как построить разговор, чтобы не травмировать нежный слух своего супруга лишними подробностями. Придумывала объяснения тому, как случилось, что она, возвращаясь с рынка, провела в таверне, расположенной у рыночной площади, больше часа в дружеских разговорах с людьми, которых сам де Лоранс скорее всего и замечать бы не стал.

Представляя лицо Оливье, обнаружившего, как в одной фразе, произнесённой его женой, причудливо соединятся «галантерейщица» и «таверна», Клементина жмурилась от ужаса.

Объяснять ей, впрочем, ничего не пришлось.

Оливье так разозлил её тогда, что она и думать забыла о том, чтобы делиться с ним своими переживаниями. И теперь – не готова была.

Конечно, было бы неправдой утверждать, что её нежелание обзаводиться новым платьем тогда, когда в комнате её стоят неразобранными два сундука, доверху наполненные сшитыми к свадьбе нарядами, связано только с этим неизвестно откуда взявшимся страхом нищеты. Нет, гораздо больше способствовала её сопротивлению обида, которую изо дня в день наносил ей Оливье. Бил в одну и ту же точку. Заставлял её чувствовать себя нелепой, глупой, некрасивой.

Ей просто не хотелось даже слышать о бале. Не хотелось. И она готова была стоять на своём.

*

Когда Оливье вышел, оставил её одну, Клементина прижалась лбом к стеклу. Стала смотреть наружу – старалась справиться с разочарованием. Думала ли она когда-нибудь, что замужество – такая неприятная штука?

Дождавшись, когда хлопнет входная дверь, когда Оливье де Лоранс, несколько дней назад получивший под своё начало отряд солдат-новобранцев, отправится в казармы, расположенные сразу за площадью Оружейников, Клементина спустилась в большую залу. Там, на скамейке у очага, сидел Северак. Ждал завтрака.

Из кухни доносились запахи. Слышались голоса.

– От этих ароматов можно сойти с ума, – заметил Северак нарочито безмятежно, едва обменявшись с Клементиной приветствиями.

Потом не удержался всё-таки, посмотрел ей в глаза.

– У нашего хозяина дома был не особенно довольный вид, когда он отправлялся на службу.

Клементина дёрнула плечом.

– Нам трудно даётся общение, вы же знаете.

*

Она была так рада, когда её муж предложил Севераку остановиться в их доме.

– Здесь достаточно места, – сказал Оливье де Лоранс. – Так что вам нет никакой необходимости искать жилье. Оставайтесь у нас.

– Если вы обещаете не бросаться на меня со шпагой всякий раз, когда мне вздумается улыбнуться вашей жене, – ответил тогда Северак, ослепительно улыбаясь Клементине, – я с благодарностью воспользуюсь вашим приглашением. Признаюсь, одна только мысль о том, что мне придётся в свободное от службы время заниматься всякими бытовыми вопросами, повергает меня в ужас.

Клементина, с нетерпением дожидавшаяся его ответа, услышав, что тот согласился, чуть не бросилась Севераку на шею. Удержалась, поблагодарила сдержанно. Она так старалась выглядеть благовоспитанной женщиной, что речь её оказалась до краёв наполнена чопорностью.

– Я не уверена, – сказала, – что бытовые удобства в данном случае перевешивают неудовольствие, которое вы должны испытывать, будучи вынуждены выслушивать наши бесконечные с мужем препирательства. Но я безмерно благодарна вам за то, что вы согласились остаться. Ваше присутствие очень украшает нашу жизнь.

Он засмеялся.

– Я очень надеюсь, что за тем приятным, что ещё случится в вашей жизни, вы забудете об отведённой теперь вашему покорному слуге роли.

*

Заняв место за большим деревянным столом, Клементина смотрела, как служанка, присланная ей в помощь губернатором, возится у очага.

Потом её горничная, Николь, появилась в дверях, соединяющих зал с кухней. Взялась накрывать на стол. Поставила на середину столешницы глиняный кувшин, полный козьего молока, принесла только что испечённые булочки, щедро посыпанные ореховой крошкой. Внесла торжественно блюдо с бланманже.

Клементина жестом пригласила Северака присоединиться.

– Жаль, что Оливье так рано ушёл, – произнесла тоном легкомысленным. – Думаю, порция этого лакомства добавила бы ему настроения.

Северак посмотрел на неё пристально.

– Так что всё-таки случилось? – спросил.

– Ничего особенного. Я передумала принимать приглашение на бал, устраиваемый господином губернатором, – ответила Клементина весело.

– Почему?

Северак взялся накладывать себе на тарелку бланманже.

– Расхотелось.

– Почему?

Произнося это очередное «почему», Северак не смотрел на собеседницу. Говорил лениво, как будто даже без особого интереса. Это позволило Клементине отвечать так же – с лёгким оттенком пренебрежения. Сделать вид, что разговор этот не стоит внимания.

– Кажется, он считает, что наряды, сшитые пару месяцев назад, недостаточно хороши для здешней публики, – дёрнула она плечом.

Северак улыбнулся иронично.

– Это неудивительно. Ваш муж – щёголь, каких немного. В Париже он готов был каждый месяц перешивать свой гардероб – ради того только, чтобы никто не мог сказать, что он не следит за модой.

– Вот поэтому я и не собираюсь идти на бал.

– А какая связь?

Она поджала губы:

– Оливье настаивает на том, чтобы я сшила к балу новое платье. А я не хочу.

Северак рассмеялся:

– Простите, графиня, но в данном случае я отказываюсь вам сочувствовать. Вот если бы ваш супруг не соглашался оплатить ваши расходы на платье, ленты и прочие милые женскому сердцу мелочи, я вызвал бы его на дуэль, не задумываясь. А так... признайте, что бывают сложности и похуже.

Клементина не отвечала.

Какое-то время Северак тоже хранил молчание.

– Вы ведь не открыли мне теперь, главную причину вашего отказа? – спросил наконец.

Она опустила взгляд.

Северак откинулся на спинку стула, махнул рукой:

– Давайте, дорогая! Рассказывайте всё – и про главную причину, и про все неглавные.

Уверен, ваше воображение одним основанием не ограничилось.

Она покачала головой.

– С вами невозможно разговаривать серьёзно.

*

Пока Клементина говорила о своей неуверенности и своём беспокойстве, он внимательно слушал. Когда она рассказала ему о новых приобретённых в таверне знакомствах, улыбнулся.

Когда она замолчала, закусил губу, взялась смотреть в сторону, сердито стискивая пальцы, он глядел на неё в этой тишине. Ждал то «главное», что – он понимал – так до сих пор и не прозвучало.

Наконец, Клементина, покраснев, выпалила:

– Он считает меня деревенщиной! И как я могу спорить, если он прав? Я прожила всю жизнь в деревне. И я никогда не была на балах! И не шила никогда всех этих бальных платьев!.. И, да, те, что я привыкла носить дома, нельзя было назвать ни модными, ни особенно красивыми. И, когда он говорит... – она задохнулась, махнула рукой, прошептала —... он тоже прав.

В этот момент в глазах Северака мелькнуло что-то очень похожее на гнев. Но он справился с собой, рассмеялся весело:

– Никогда не были на балах? Это причина, разумеется, чтобы отказаться попробовать!

– Не смейтесь! – она сердито топнула ножкой.

Он, в самом деле, перестал улыбаться. Сделался серьёзен.

– Хорошо. Но вы тогда убедите меня, что всё прочее, что вы сейчас делаете – вы делали всю жизнь! Плавали по морям, управляли домом, терпели капризы несносных мужчин!

Клементина не выдержала, засмеялась:

– Последнее мне чрезвычайно плохо удаётся!

– Оставим эту ерунду, графиня, – легко шевельнул он рукой. – Ваше главное оказалось неубедительным. Что же касается неглавного... Во-первых, поверьте мне, ваш супруг вполне в состоянии оплатить столько платьев, сколько вам только может понадобится здесь. И не вздумайте поставить эту его способность под сомнение – наш гордец этого не переживёт. Что же касается того, что вы с чем-то там не сможете справиться – так я скажу, если позволите...

Северак улыбнулся обезоруживающе:

– Разве вы уже не справляетесь? Разве дом ваш не уютен? Не светел? Разве не приходим мы сюда каждый вечер, чтобы отдохнуть душой? Разве не наслаждаемся каждой минутой, прожитой в доме, который ведёте вы? Как справились бы мы без вас со всем этим?

Он повёл рукой в сторону накрытого стола.

– Я, к примеру, не могу себе представить, что нужно сделать, чтобы из тех продуктов, что существуют на здешнем рынке, вдруг получилось вот это чудо! – он коснулся краешком маленькой ложки стоящего перед ним десерта. – Поинтересуйтесь вы моим мнением, я сказал бы вам, что нет ничего лучше, чем начинать утро вот с такого лакомства. И с паштета! Роскошного гусяного паштета! Только позволь вы мне говорить, я пожаловался бы вам, что мечтаю о нём с самого своего отъезда из Брассера.

Он говорил мягко. Ковырял ложечкой украшенное ягодами желе. Глядел с обычной приветливостью.

– Поверьте, это гораздо сложнее, чем пустить пыль в глаза паре десятков бездельников на каком угодно балу. Теперь о платье... – продолжил, заметив, что взгляд Клементины потеплел. – Я не вижу в том, что предлагает Оливье, ровным счётом никакой проблемы. Разве вы не взяли с собой те великолепные ткани, которые подарил вам к свадьбе наш упрямец?

Он улыбнулся.

– Они подходят для нашего случая, будьте уверены. Готовясь к встрече с вами, ваш супруг выбирал только самое лучшее.

Она распахнула глаза.

– Ткани? Я... я забыла... я не подумала о них.

– Ну, так вот вам и решение! – воскликнул Северак. – Вы сошьёте лучшее из платьев. Будете блистать на балу! Все дамы станут завидовать и даже, скорее всего, возненавидят вас за то, что вы затмите их всех. А ваш муж... он в своей гордыне вознесётся ещё выше.

Северак засмеялся.

– В связи с этим я продвигу массу неприятностей.

Клементина покачала головой, усмехнулась:

– Вы хитрец, господин де Северак.

– Ни в малейшей степени. В чём моя хитрость? Я открыл вам свою слабость – неодолимую страсть к гусяному паштету. Я объявил о своей неспособности самостоятельно исполнить свою мечту! А вы можете мне поверить: мужчине признаваться в этом – смерти подобно. И вы, жестокая женщина, называете меня хитрецом?

Клементина склонила голову набок, закусил губу.

– Я не об этом, вы прекрасно понимаете! Впрочем, раз так – я обещаю подавать вам на завтрак паштет каждый день. За одно то, что вы существуете.

Она посмотрела на него с улыбкой.

– И, да, вы меня убедили! Нет причин не попробовать! Но что делать с платьем? Я ведь, правда, не имею ни малейшего представления о том, что сейчас модно!

Северак ответил легко:

– Если пожелаете, я выясню для вас имя лучшего портного Квебека.

– Вы? Как это вам удастся?

– За эти дни у меня здесь тоже появились друзья! – улыбнулся он на этот раз озорно. – Этот «самый лучший портной», правда, наверняка, ничего знает о теперешней парижской моде. Но разве это означает, что у нас нет выхода?

Клементина почувствовала себя вдруг ребёнком, перед которым взрослый держит коробочку с подарком. Ей не терпелось разорвать обёртку и посмотреть, что же там внутри.

– А какой у нас есть выход? – спросила она, подаваясь вперёд.

– Положитесь на меня, графиня, – засмеялся он. – Если ваш муж спросит, шьёте ли вы платье, не вдавайтесь в подробности. Скажите только, что шьёте. Мы приготовим ему сюрприз. А портной завтра будет у ваших ног.

Сюрприз!

Она смотрела на Северака с радостным изумлением. Потом, смутившись вдруг, погасила огонь в глазах. Кивнула – благодарю. Продолжала сидеть за столом неподвижно.

Северак доел десерт, коснулся салфеткой губ. Покачал головой.

– Вы так и не притронулись к завтраку.

Клементина молчала. Смотрела куда-то сквозь него.

– О чём вы задумались?

Она вздрогнула, очнулась. Взглянула ему в глаза.

– Я вспомнила, как, увидев впервые вас двоих в нашем замке, – красивых, важных, недосыгаемо величавых... едва обменявшись с вами обоими парой-другой фраз, подумала впервые: как хорошо было бы, если в женихи мне были предназначены вы.

Он нашёлся не сразу. Несколько мгновений молчал. Потом улыбнулся:

– Я всякий раз забываю, что прежде чем задать вам вопрос, следует хорошенько подумать.

– Я вас пугаю?

– Пугаете? – он откинулся на спинку стула. – Нет. Ваша способность говорить то, что вы думаете, – очень привлекательна. Беда в том, что мы, испорченные жизнью при королевском дворе, не всегда умеем этой привычке соответствовать.

Глава 3. Вечер триумфа

Хотя слова Северака и были приятны Клементине, она понимала, что её успехи на поприще ведения домашнего хозяйства были в значительной степени преувеличены. Если бы не помощники, ей навряд ли удалось бы так быстро наладить жизнь большого дома.

В частности, необычайно любезен был барон д'Авогур. На следующий же день после их прибытия в Квебек он прислал служанку – молоденькую девочку, которая должна была помочь им устроиться.

«Она может оставаться в вашем доме столько, сколько вы посчитаете необходимым», – написал в сопроводительной записке губернатор.

Девочка – звали её Клодин – оказалась сообразительной и шустрой. Представ перед Клементиной, она тут же забросала её вопросами и предложениями об обустройстве дома. Клементина попыталась посоветоваться с Лорансом. Тот отмахнулся – делайте что хотите.

Клементина пожала плечами – как угодно.

Благодаря Клодин самостоятельность далась Клементине легко.

И уже на следующий день жизнь в доме стала налаживаться.

*

Клементина наняла ещё двух служанок. Одну – на кухню. Другую – для работы по дому. Николь по-прежнему исполняла роль горничной. Но со временем стало очевидно, что тут, в Новой Франции, все эти разделения обязанностей – дело весьма условное.

В конце концов, Николь, в добавление к привычным своим заботам, взялась помогать Клодин в приготовлении обедов. Зато наотрез отказывалась сопровождать свою госпожу в город. Она вообще крайне неохотно выходила из дома – панически боялась индейцев, чувствовавших себя в Квебеке весьма привольно.

Обёрнутые в шерстяные попоны, укрытые меховыми плащами, те бродили по улицам города, курили, сидя на корточках, у стен домов, на парапетах. Временами их можно было видеть у дверей таверн – они приходили менять шкурки на водку. Иногда обмен удавался. Но чаще хозяева заведений гнали индейцев от дверей – боялись, что их обвинят в несоблюдении распоряжения властей города, запретивших продавать дикарям спиртное.

Епископ, монсеньор де Лаваль, уже третий год, с самого момента его приезда в Новый Свет, боровшийся за души жителей колонии, даже отлучил одного из ослушавшихся от церкви, а городской совет лишил строптивца возможности держать в городе таверну. Этот пример заметно охладил пыл тех, кто полагал возможным зарабатывать на наивности и неспособности коренных жителей Новой Франции противостоять искушениям.

Клодин, правда, в действенность подобных мер не верила.

– Всё это ерунда, – отмахивалась она. – Нечего и надеяться, что это кого-нибудь остановит. Кто же откажется от возможности быстро заработать?! За глоток этого пойла индейцы порой готовы отдать такие великолепные шкурки, что здешним трактирщикам и делать ничего не надо – знай, получай меха у индейцев, да перепродавай их тут же втридорога отправляющимся в метрополию. Так что готовьтесь беречься пьяных – эти дикари совершенно не умеют пить.

К счастью, до сих пор Клементине не пришлось удостовериться в справедливости суждений молодой служанки. Потому, в отличие от Николь, Клементина с удовольствием выходила из дома, не пропускала ни одного рыночного дня, не упускала ни единой возможности пройтись.

*

Северак все оставшиеся до бала дни не оставлял Клементину своим вниманием. Он не ограничился помощью в выборе портного. Из дня в день он последовательно способствовал рождению лучшего в гардеробе Клементины платья: давал советы, следил за тем, как сочетает портной ткани, помогал подбирать кружева, банты, украшения.

Когда на Клементину напала неуверенность, поддерживал её лёгкой улыбкой.
– Доверьтесь мне, дорогая. Всё гораздо проще, чем вам представляется.

– Вы должны понимать, – говорил он, замечая, с каким сомнением временами гляделась она в зеркало, – что это они находятся сейчас в неудобном положении, а не вы. Эти люди, суда которых вы так опасаетесь, прожили тут бог знает сколько времени. Они не уверены ни в чём. Они не имеют понятия о том, что теперь носят во Франции, о чём говорят. Не знают, что в эти дни приветствуется при дворе, а что, наоборот, порицается. Именно они раздумывают сейчас о том, как себя вести и что вам предлагать, чтобы не показаться отставшими от жизни провинциалами.

Клементина вспыхивала.

– Но и я не имею об этом ни малейшего представления.

Он смеялся:

– Да. Но они-то об этом ничего не знают.

Северак не забыл справиться о том, танцует ли она. Он задавал ей неудобные вопросы и смеялся, когда Клементина краснела.

– Смушение, безусловно, идёт вам, сударыня, – говорил. – Но о чём бы вас ни спросили, ответ ваш должен быть быстрым и изящным. Будьте уверены, от вас не ждут глубокомыслия. Только лёгкости. Поверьте, если в вашем ответе вдруг обнаружится смысл, многие будут даже шокированы.

Северак смеялся.

– Я никогда так не веселился, – признавался, когда Клементина вдруг бралась благодарить его за такую к ней внимательность. – К тому же общение с вами доставляет мне невыразимое удовольствие. Вы прекрасная ученица. О такой только и мог бы мечтать всякий учитель.

*

Оливье де Лоранс тоже заходил к ней. Останавливался на пороге. Интересовался, помнит ли она о празднике. Спрашивал, будет ли ко времени готово платье. Она кивала – всё помню, всё будет.

Необходимость вытягивать из неё ответы раздражала его. Он вскипал, пожимал плечами, уходил к себе. Ждал, что она сама явится к нему, попросит помощи. Она не приходила.

И в тот день, провозившись дольше запланированного с собственным костюмом, он шёл по коридору в сторону комнат жены, готовился к самому худшему. Думал: что если она теперь сообщит ему, что платье не готово? Или оно окажется хуже некуда?

Северак клялся ему, что портной, которого он порекомендовал Клементине – лучший в Квебеке. Обещал, что всё будет в порядке. Лениво выкладывая на стол карту за картой и, улыбаясь, советовал не давить на жену и не усложнять ей подготовку к балу:

– Вы вспыхиваете, как порох, Оливье, всякий раз, как только что-то оборачивается не по-вашему. Супруга же ваша теперь имеет на это гораздо больше прав – ребёнка носит она, а не вы. Так что если не можете ей помочь без того, чтобы не испортить настроения, хотя бы не мешайте.

Оливье и не мешал. Целую неделю он чувствовал себя вполне довольным. Но теперь, оказавшись на пороге комнаты, протянув к двери руку, чтобы постучать, он вдруг занервничал. Подумал, Клементине всё нипочём. Если что-то пойдёт не так, она может и не заметить неловкости. А ему будет стыдно.

*

Войдя в комнату жены, Оливье де Лоранс замер в изумлении.

Она стояла к нему вполоборота, гляделась в зеркало. Наблюдала за тем, как Николь прикалывала жемчужные подвески-банты к лифу.

А он смотрел на укрытые венецианским кружевом грудь и плечи, на локоны, спускающиеся по высокой, гибкой шее, на маленькую мушку в углу рта. Смотрел и думал: когда это из девочки его жена превратилась в прелестную женщину? И как он ухитрился не заметить этого превращения!

Он был ошеломлён.

А Клементина ликовала. Северак обещал ей, что Оливье будет удивлён. Так и случилось. Он стоял позади неё. Не сводил с неё взгляда. Молчал. И она молчала. Смотрела в отражение – на него, на себя.

Платье из парчи цвета червонного золота, в самом деле, необычайно шло ей. Распашная верхняя юбка была вся расшита мелкими атласными бантами. Нижняя юбка, выглядывающая из-под верхней, была чуть светлее и ярче. И она превосходно сочеталась по цвету с лентами, перехватывающими широкие рукава с прорезями, отделанными золочёной тесьмой. Не слишком глубокое декольте лишь слегка обнажало плечи. Лиф заканчивался острым шнипом, благодаря которому и без того тонкая до сих пор талия Клементины казалась ещё более тонкой и гибкой.

Они простояли так довольно долго.

Наконец, налюбовавшись впечатлением, произведённым на мужа, Клементина величественно повернулась. Взяла со столика перчатки и веер.

– Я готова, – сказала.

*

Это был вечер их триумфа.

Поднимаясь по главной лестнице замка Святого Людовика, едва касаясь пальцами кисти мужа, Клементина всё взглядывала в зеркала, расположенные по левую от них руку. Думала, как чудесно они смотрятся вместе!

Они, в самом деле, выглядели очень гармоничной парой. Костюм Оливье де Лоранса идеально сочетался с платьем Клементины, так что создавалось впечатление, будто бы они продумывали свой выход сообща.

Отвечая на приветствие хозяев бала, Клементина улыбнулась торжествующе – в глазах обоих читалось восхищение.

Почувствовав себя красавицей, Клементина в самом деле была весь вечер неотразима. Она великолепно танцевала, прекрасно говорила.

Ей представили весь высший свет Квебека. И она справилась с этим испытанием. Держалась уверенно. Находила для каждого нужные слова. И улыбалась, улыбалась, улыбалась.

*

Клементина имела успех. Понимание этого делало Оливье де Лоранса счастливым.

Он не сводил глаз со своей жены. Первый страх, что она смутится, споткнётся, перепутает все фигуры танца, развеялся как дым, едва Клементина ступила на паркет.

Лоранс вёл её по центру зала, смотрел в глаза и удивлялся теплу, разливающимся у него в груди.

Клементина была прелестна!

Он думал, что она должна чувствовать себя неловко, ведь это был, кажется, первый настоящий бал в её жизни. Но не замечал ни малейшего свидетельства её смущения.

Клементина улыбалась, двигалась легко. С удивлявшей его непринуждённостью бойко реагировала на его реплики, и, казалось, совсем не следила за подсказками распорядителя танцев.

Когда музыка стихла и они вернулись к обществу, Клементина поддержала разговор с той же лёгкостью, с какой только что танцевала.

Лишь однажды де Лоранс был близок к тому, чтобы запаниковать. Молодой хлыщ, сын интенданта Брандона, спросил Клементину, правда ли, что балы в королевских дворцах несравненно роскошнее того, на котором теперь ей довелось присутствовать. Верно ли, спросил он, склоняясь к её уху, что придворные кавалеры в Париже более галантны? Они лучше танцуют? Их комплименты более изысканны? Он едва не касался губами её виска.

Клементина посмотрела на Лоранса, стоявшего рядом с ней и державшего её под руку.

И он испугался вдруг, что жена его – уж кто-кто, а он прекрасно знал её исключительную, нелепую её правдивость – сейчас начнёт рассказывать, что понятия не имеет, что там происходит при дворе. Скажет, что она всё детство прожила в деревне, плевалась вишнёвыми косточками и принимала роды у батюшкиных кобыл.

Он даже как будто услышал это. И, кажется, побледнел.

Клементина усмехнулась. Не отводя взгляда от лица мужа, проговорила негромко:

– Никогда, друг мой, не просите женщину сравнивать. Позвольте ей танцевать – и она будет счастлива.

Окружающие рассмеялись. Лоранс благодарно сжал её локоть. Она повела плечом, высвобождаясь.

*

– Как вам понравился вечер? – спросил Оливье де Лоранс, едва они сели в карету.

– Если бы мне пришлось присутствовать на балах каждый день, я умерла бы от скуки, – неожиданно ответила Клементина.

Она стянула с пальцев перчатки, бросила их на скамью рядом с собой. Взялась смотреть в окно.

Северак, сидевший напротив, не удержался от смеха.

– Слава Богу, что вас не слышит госпожа д'Авогур. Она не простила бы вам такой оценки её многодневных стараний.

Клементина не поддержала его веселья.

– Я должна поблагодарить вас, господин де Северак, – сказала она сдержанно, – за ваше внимание и ваше терпение. Вам тоже следовало бы это сделать, сударь, – продолжила сухо, обращаясь к мужу. – Если бы не ваш друг, этот вечер вряд ли был бы таким удачным.

Лоранс, сбитый с толку её тоном, кивнул – да, конечно.

– Что-то не так, дорогая? – спросил растерянно.

– Всё в порядке. Я просто устала.

*

Клементина, в самом деле, чувствовала себя усталой. И оскорблённой. Едва они вышли из душных залов дворца на улицу, едва уселись в карету, любезно предоставленную им губернатором, возбуждение, дававшее ей силы держаться, пока она была на людях, спало, уступив место сильнейшему раздражению. И теперь, вспомнив сделанное ею неприятное открытие, она с трудом удерживалась от резкости.

Когда Клементина осознала, что все присутствующие ошибочно полагают, что она провела немало времени при дворе, она подумала было исправить ошибку. Оглянулась на Оливье. И поняла по его напряжённому взгляду, что он предпочёл бы оставить общество в заблуждении. Он с таким ужасом глядел на её губы, будто боялся, что стоит ей разомкнуть их, и изо рта её выпрыгнет жаба.

Он по-прежнему стесняется её. Он её стыдится! От ярости у неё перехватило дыхание.

Удар оказался намного сильнее из-за того, что вот уже несколько часов Клементина не могла насмотреться на своего мужа. Радовалась выражению одобрения, которое не сходило с лица Оливье де Лоранса, надеялась, что с этих пор – раз уж он понял, что ему не придётся краснеть из-за того, что она носит его имя, – у них всё будет по-другому.

Осознав, что все её усилия оказались бессмысленными, а успех – напрасным, она ужасно разозлилась. И уже готова была отомстить ему, произнести именно то, чего он так боялся.

Но именно в тот момент, когда с её уст готовились сорваться гневные слова, когда она увидела, как затаил дыхание Оливье, ожидая её реакции, ей вдруг стало жаль его. Оттого, изобретя этот нелепый, глупый ответ, который, к её удивлению, привёл в восторг всех гостей, она протянула руку графу де Сен-Шамону, пригласившему её на следующий танец и ожидавшему теперь своей очереди.

Улыбнулась:

– Подарите мне ещё немного удовольствия, граф!

*

Позднее Клементина не раз вспоминала этот вечер. Вспоминала и удивлялась: единственным человеком, понравившемся ей безоговорочно, оказался монсеньор де Лаваль. Он стал приятен ей, несмотря на первоначальное предубеждение, родившееся из вынужденного расставания с подругами-протестантками.

– С тех пор, как в Квебек прибыл монсеньор де Лаваль, протестантам стало здесь очень трудно выживать, – шёпотом сообщила Клементине Клодин в один из дней, когда они вместе занимались на кухне заготовками на зиму. – Многие теперь уезжают отсюда. Селятся по берегам рек, строят дома, форты. Подальше от городов. Подальше от Квебека.

У Клементины не было причин сомневаться в словах служанки.

Совсем недавно она, Клементина, стояла на берегу Святого Лаврентия, смотрела, как готовится отойти от причала небольшой корабль. На нём покидали Квебек её подруги, с которыми она провела два долгих месяца на «Целестине». Они отправлялись в Виль-Мари в надежде, что там их, протестантов, примут лучше, чем в Квебеке.

– Жаль, – шептала Роза, прощаясь с Клементиной, – жаль, что мы будем жить гораздо дальше друг от друга, чем собирались. Но мы не можем тут оставаться. Не можем.

Клементина смотрела на подругу сочувственно. Гладила её по плечу: ничего, Виль-Мари – это не так уж далеко. Она пыталась утешить бедняжку Роза, а сама при этом с трудом справлялась с гневом.

Она очень сердилась тогда на этого холодного, непримиримого человека – монсеньора де Лаваля.

И потом, на балу, стоя рядом с епископом, вглядываясь в его лицо, старалась найти на нём следы той ожидаемой ею жестокости. И не находила.

*

Монсеньор де Лаваль, будто нарочно, делал всё, чтобы убедить её в своей добросердечности. Он встретил её приветливо. Тепло поздоровался. Одной рукой коснулся её головы, другую – протянул для поцелуя.

Она смиренно коснулась губами епископского перстня. Поднимаясь, посмотрела ему в глаза. Ей понравилась его улыбка – та почти не касалась его губ, но таилась в глазах. И, когда он спросил, выбрала ли она уже духовника, Клементина ответила:

– Ещё нет, ваше преосвященство.

И в глубине души пожалела, что не смеет просить его быть её духовным отцом.

Он склонил чуть заметно голову, проговорил дружески:

– Сделайте это, не откладывая. В этой стране нас всех каждодневно подстерегают бесчисленные опасности. Благодетельство здесь – главная опора. Ему одному мы обязаны божьими милостями.

Клементина и помыслить прежде не могла, что разговор с главой церкви может оказаться таким лёгким, приятным и... долгим. Они беседовали не меньше четверти часа, позабыв о снующих вокруг людях. И, когда монсеньор де Лаваль, вспомнив об этикете, улыбнулся и произнёс:

– Простите, дочь моя, я так надолго оторвал вас от прочих гостей, что, боюсь, баронесса д'Авогур будет на меня в обиде, – она невероятно сожалела о том, что тот же самый этикет не позволял ей продлить разговор.

Он наклонил голову в знак прощания, отступил в сторону. Заговорил с женщиной, стоявшим по другую руку от него. Потом и вовсе отошёл, отстранился. Встал в нескольких шагах от Клементины, почти у самой стены. Наблюдал за тем, как веселятся многочисленные губернаторские гости.

А Клементина, не отдавая себе отчёта, всё не отводила от него взгляда, любовалась им. Смотрела на его крупный нос с заметной горбинкой, высокий лоб, властный рот. Когда он, почувствовав взгляд, снова обернулся к ней, она спохватилась, опустила, наконец, глаза. И улыбнулась весело – епископ ногой отбивал ритм очередного танца.

Глава 4. В ожидании зимы

Время шло. Дни становились всё короче. Ветры холоднее.

Клементина поправлялась, но, в целом, беременность не досаждала ей. Она по-прежнему не сходила, а сбегала по ступенькам. По-прежнему больше всего не выносила безделья. С радостью занималась домашним хозяйством, закончив дела, с удовольствием, отправлялась на прогулку. И, возвращаясь, легко поднималась по крутым улочкам к своему дому пешком.

Ежеутренняя тошнота прекратилась. Единственным неудобством для неё – впрочем, правильнее было бы сказать «для Николь» – была необходимость время от времени вносить изменения в одежду.

Закончив работу на кухне, Николь садилась перешивать платья госпожи. Она очень старалась. И Клементина на какое-то время даже хотела освободить девушку от всех прочих забот. Но та не согласилась.

– Ваш батюшка отругал бы меня, посчитав, что я плохо служу вам, – сказала.

*

Клементина перестала утягивать талию корсетом.

Она не покидала теперь дом, не набросив на плечи плаща, который немного скрывал её полноту, – благо погода как нельзя более этому способствовала.

По утрам, выходя в сумерки, чтобы отправиться на утреннюю службу, прятала руки в муфту из меха лисицы, сшитую всё той же Николь.

Начиная день с неизменной «Отче наш», прося защиты у Пресвятой Богородицы, повторяя за певчими «Небеса и земля наполнены Твоей Благодатью и Славой», она чувствовала себя почти счастливой.

Опускалась на деревянную скамью. Шептала, коленопреклонённая:

– *Pater noster qui in celis es, sanctificetur nomen tuum...*

Памятные с младенчества слова эти возвращали ей покой. Она смотрела перед собой, в полутьму, где блестел золотом алтарь, на парящую над ним деревянную голубку, и всё старалась проникнуться любовью – к этой непонятной стране, этому городу, этим людям, творившим рядом с ней молитву.

*

В церковь её часто сопровождал Этьен Рамболь.

После того как «Целестину» поставили на ремонт в сухой док, он не находил себе в городе места от скуки.

– Вас очень огорчает то, что придётся зимовать в Квебеке? – спрашивала Клементина.

– Да, очень.

Он отвечал спокойно, но лицо его при этом слегка кривилось, отчего делалось по-детски обиженным.

– У меня и без этих сложностей было не так много шансов получить разрешение на брак с моей избранницей. А уж теперь... Боюсь, пока мы тут будем прохлаждаться, дожидаясь навигации, шансов не останется совсем.

Клементина не знала, чем его утешить. Но она находила удовольствие в его обществе. И ей казалось, что и он не возражает против того, чтобы время от времени составлять ей компанию.

*

Северак и Лоранс изнуляли себя службой. Они с утра до вечера пропадали в казармах, выматывали подчинённых бесконечными упражнениями. Военные занятия эти, впрочем, представлялись Клементине игрой. Вокруг царил мир, и ей казалось, что так будет всегда.

После утренней мессы, когда солнце было уже высоко, она – иногда одна, иногда в сопровождении Рамболя или Клодин – отправлялась на прогулку. То спускалась к реке, то, пройдя узенькими улочками, тропинками, ведущими между деревянными изгородями, – стена, окружающая город, не была сплошной – выходила за пределы города, пересекала ручей, поднималась на холмы. Там, прямо за холмами, начинался лес. Не те островки зелени, что встречались в черте города, а настоящий лес – густой, дикий, наполненный шёпотом деревьев, ароматом грибов, жухлой травы и чего-то ещё, чему Клементина никак не могла найти названия.

Ещё многоцветный, раскрашенный во все цвета осени, он манил Клементину к себе, как прежний – тихий лес из её детства. Тот наполнял её энергией, давал силы.

Глядя с холма на яркий, пятнистый океан осенней листвы, расстилавшийся перед ней, она всякий раз вздыхала, мечтая вырваться туда хотя бы ненадолго.

Между тем, город готовился к зиме. Рыночные дни стали особенно оживлёнными. В городе забивали скот. Охотники везли добытую дичь, выкладывали туши на прилавки, торговались бойко и умело. Прямо на земле, у прилавков, горой лежали тыквы. Стояли, вывернув наружу нутро, мешки с бобовыми.

Хозяйки заполняли погреба дичью и мясом домашних животных.

На кухнях работали не покладая рук. Кухарки сушили, вялили, тушили мясо. Закладывали заготовленное в корзины, заливали жиром, спускали в погреба. Запасали на зиму овощи.

Клодин пристально следила за всем. Ни одной мелочи не упускала. Каждое утро сообщала с важностью, чем именно придётся им заниматься.

– Пора закладывать репу на хранение, – говорила торжественно. – Подморозит её – поздно будет.

– Сегодня черёд моркови...

– Я, мадам, подготовила место в подвале для тыквы. Пора отправлять за ней мужчин.

Клементина относилась к словам девушки внимательно. Училась.

*

Однажды Клодин явилась в гостиную, возмущённо упёрла острые кулачки в бока:

– Я и предположить не могла!.. – воскликнула. – В доме почти нет лекарственных сборов. Чем это вы собираетесь лечиться сами да домашних лечить?

Увидев озадаченный вид госпожи, махнула рукой:

– Ладно, чего уж... Кое о чём я сама позабочусь. Но и вы, госпожа, подумайте. Ночные холода – всё одно! – землю выморозили, травы все испортили. Так нам бы корней хоть насо-

бирать, да ягод... Вот, к примеру, жёнушкиной травы¹ – вам ведь пригодится не сегодня-завтра. Можно, конечно, у монахинь поспрашивать да у знахарок, а всё лучше дома своё иметь.

– Где растёт эта твоя трава? – спросила Клементина.

– В березняке, что за холмами, и растёт, – ответила, пожимая плечами, Клодин. – Сходим завтра, если погода будет.

Осознав, что за ягодами придётся идти в лес, Клементина только что в ладоши не захлопала – так обрадовалась. Девушка же только головой покачала.

– Ох, всё вам игры, госпожа.

*

Намерение женщин отправиться в лес в очередной раз вызвало неудовольствие де Лоранса. Он не желал, чтобы Клементина выходила за пределы городских стен. Но протестовать не стал. Спорить с женой у него не было ни сил, ни желания.

– Возьмите с собой хотя бы вашего драгоценного Рамболя, – сказал только. – Всё равно он изнемогает от безделья. А мне будет спокойнее.

Сказал и подумал – о каком покое он говорит?! В городе жизнь ещё казалась безмятежной, а в казармах уже поговаривали, что даже этому ненадёжному, хрупкому миру вот-вот придёт конец.

Несмотря на приближение зимы, на землях Новой Франции медленно, но неуклонно разгорался огонь войны. Могавки – из тех, что жили на границе с английскими территориями, – в очередной раз поссорились с индейцами племени оттава, что жили севернее. Оттава решили обратиться за помощью к алгонкинам, обитающим на землях Квебека. Те, последние, раздумывали пока. Но с каждым днём становилось всё более очевидно, что ссора эта так или иначе коснётся всех.

Обострению ситуации в немалой степени способствовала политика, проводимая новым военным губернатором – Клодом де Жерве. Молодой и горячий, он жаждал побед и не считался с потерями. Военные отряды, организовываемые им, объединяясь то с оттава, то с другими, враждующими с могавками племенами, нередко вступали в битвы с последними. И многие полагали, что ответа ирокезов долго ждать не придётся.

Чтобы не позволить ирокезам захватить себя врасплох, французы усилили охрану города. Часовых из добровольцев-фермеров, прежде чаще всего выставляемых на вышках, теперь заменили на часовых-военных. И стрелков, дежуривших на постах, удвоили. На всякий случай.

Оливье де Лоранс и Северак, и раньше проводившие на плацу со своими отрядами много времени, теперь и вовсе стали приходить домой только поужинать и выспаться.

– С этими мальчишками каши не сваришь, – бурчал де Лоранс, взглядывая коротко на жену. – Легкомысленные, жизнерадостные бездельники, а не солдаты.

Клементина не поддерживала разговор. Просто не находила слов.

А он и не настаивал на беседе. Отмечал только, что жена с каждым днём всё больше отдалялась от него. Всё меньше говорила. Всё что-то таила в себе.

Иногда оживлялась, правда, – когда Северак принимался рассказывать что-нибудь забавное. Откуда он это забавное брал, Оливье понять не мог. Но, отмечая, как расслаблялось, ста-

---

¹ жёнушкина трава или мичелла – считалась одним из лучших средств подготовки организма женщины к предстоящим родам

новилося мягче лицо Клементины, давил в себе раздражение. Не хотел ни спорить, ни выяснять отношения. Думал только, всё нелепо: и жизнь эта на краю света, и женитьба на непонятной, странной женщине.

*

Новый военный губернатор не нравился де Лорансу.

Северак, с которым он однажды поделился своим впечатлением, только рассмеялся:

– Это неудивительно. Он дурной полководец, недостаток ума компенсирующий напористостью. Почему он должен вам нравиться?

– Ах, я не об этом, – недовольно махнул рукой де Лоранс.

Северак промолчал тогда. Сделал вид, что не понимает раздражения приятеля. Посчитал, что и без того слишком часто вмешивается в дела, которые его не касаются.

Оливье де Лоранс же, в свою очередь, тоже передумал откровенничать. Но это не значит, что он перестал ревновать.

Он не мог спокойно смотреть на человека, которого всякий раз с такой очевидной радостью встречала его жена – поддерживала разговор, откликалась на шутки. Подолгу с заметным интересом беседовала с ним – молодым, галантным, бойким на язык.

Всё на людях, всё на виду. Так что ему не в чем было в действительности упрекнуть её.

Кажется, ни единой ошибки они не допустили, ни одного правила не нарушили. Но он, Лоранс, всё следил – за каждым движением военного губернатора, за каждым взглядом его. И хмурился – балы и прочие «вечера» с некоторых пор только портили ему настроение. Чтобы не провоцировать конфликтов, он старался игнорировать приглашения и не слишком часто принимать гостей в своём доме. У него было объяснение – он только заботится о состоянии здоровья своей жены. Но Лоранс понимал, что объяснение это не выдерживает никакой критики. Ему не верили ни приглашающие, ни сама Клементина.

Впрочем, она с ним не спорила. Пожимала плечами, уходила к себе.

И он, не желая выглядеть глупцом, сдавался. И снова и снова с неудовольствием наблюдал за тем, как пополневшая, но отнюдь не сделавшаяся из-за этого дурнушкой, Клементина протягивает руку щегольски одетому Клоду де Жерве, как тот склоняется к руке, усаживается рядом, принимается что-то говорить – тихо, с дурачки-загадочным выражением на холёном лице. И как горят при этом глаза его жены.

*

– Не выдумывайте ерунды, – засмеялся Северак однажды, натолкнувшись на его раздражённый взгляд. – Нет ничего странного в том, что вашей жене нравится общаться с господином де Жерве. Он не строит недовольных гримас и всегда готов говорить о том, что ей интересно. Она молодая девочка, Оливье! Девочка, оторванная от дома. Ей хочется тепла. А вы даже меня, вполне устойчивого к такого рода «заморозкам», вот-вот заледените своей недоброжелательностью.

– Он похож на жабу, – пробормотал он, отворачиваясь. – Неужели этот де Жерве кажется вам симпатичным?

– Совершенно не кажется. Но он делает то, что должны были бы делать вы – развлекает вашу жену в то время, когда она в этом нуждается.

– У меня нет настроения, – буркнул он тогда.

*

«Нет настроения» – это было ещё слабо сказано. Он, де Лоранс, чувствовал себя больным. С некоторых пор он кажется вообще больше не был собой. И это удивляло его сильнее, чем он готов был признать.

Каждый вечер он трудно, мучительно засыпал. Некрепко спал. И пробуждался по утрам в дурном расположении духа.

Его раздражало всё: служба, общество, жена. Ему казалось, лишив его возможности жить во Франции, в Париже, при дворе, его лишили корней, пищи, воздуха. Здешние земля, вода, воздух ему не подходили.

Он очень старался преодолеть это. Изнурял себя, выматывал свой организм бесконечными тренировками – не из служебного рвения, а для того только, чтобы лишить себя возможности думать и чувствовать. И, возвращаясь в их общий с Клементиной дом, он с трудом дожидался ночи, позволяющей ему забыться.

Это было отвратительно. И... он не находил в себе сил с этим совладать.

Глава 5. Гуси улетают

Клементина и Рамболь стояли на вершине ближнего к городу холма. Смотрели на остоверхие колокольни, шпили и кресты, тянущиеся к высокому небу, на реку, на противоположный её берег. Потом делали шаг-другой. Снова останавливались. Погода была холодной, но солнечной. И осеннее солнце красило этот день необыкновенно.

Рамболь находился в состоянии беспокойном. С одной стороны, он был необычайно рад. У него наконец-то появилась возможность заняться делом. Применить свои силы, свои способности на практике. Не слоняться по городу в бесплодных размышлениях, а, наконец, начать созидать: выстроить форт, сделать его удобным для зимовки. Собрать снова команду, которая за эти последние недели, проведённые на берегу, тоже захандрила. Моряки сделались недвольными и раздражительными. Встречаясь с ними время от времени в тавернах, Рамболь не мог не замечать неблагоприятных изменений, происходящих с экипажем. И теперь он с удовольствием думал о том, что открывшаяся перед ними возможность, несомненно, обрадует членов его команды.

И капитан Моленкур был удовлетворён.

– Прекрасно, – сказал он, – я вполне справлюсь тут без этой оравы. Оставлю себе в помощь несколько матросов, а остальных, дорогой мой племянник, я с радостью вверю вашим заботам и заботам господина де Мориньера.

Да, с этой, первой, стороны, Рамболь был доволен.

Скоро, радовался он, всё выправится. Мужчины займутся мужскими делами. И, наконец, снова станут сильными, крепкими, собранными – какими и должны быть.

С другой стороны, – такая тоже существовала – Рамболь огорчался. Расстраивался, понимая, что ему придётся отказаться от этой своей, сделавшейся такой привычной, роли помощника-спасителя. В течение всех этих недель он время от времени появлялся в доме де Лорансов. Сопровождал госпожу де Лоранс и её служанку на церковные службы, на прогулки, на рынок – если тому случалась необходимость. Безусловно, не носи молодая графиня под сердцем ребёнка, она не так нуждалась бы в поддержке. Но в эти дни, когда положение её стало уже довольно заметно, он – в сущности, чужой ей человек – не мог не задумываться о тех опасностях, которые могли подстергать её за городом, в лесу... Даже в городе.

Ночи становились холодными, и поутру, когда Клементина де Лоранс отправлялась на службу, камни мостовой часто бывали покрыты тонкой плёнкой льда. И не надо было иметь особенно богатое воображение, чтобы представить себе, чем может закончиться для неё неудачное падение или внезапный испуг. Подавая ей руку, помогая спуститься по скользким ступеням, он давал себе слово: когда он женится, он ни за что не позволит своей жене в таком состоянии бродить по улицам одной. Ни за что.

И он думал теперь, как сказать ей о том, что очень скоро их встречи прекратятся. Он даже дважды уже пытался привлечь её внимание, начинал говорить, но Клементина не слышала его – размышляла о чём-то своём.

У ног их бродили гуси.

Серые, с коричневыми подпалинами, птицы, грациозно изгибая длинные чёрные шеи, щипали то, что осталось от недавно сочной травы.

Когда люди подходили слишком близко, гуси неохотно ускоряли шаг, расступались. Некоторые даже делали вид, что готовы взлететь – раскидывали по сторонам крылья и громко и недовольно ими хлопали. Однако не взлетали – берегли силы. Готовились к долгому перелёту.

Клементина держала руку на локте Рамболя, грела пальцы в складках его плаща, смотрела вниз, на берег, весь усыпанный подвижными серо-коричневыми точками.

Потом часть их поднялась, взмыла вверх, собралась в клин.

– Гуси улетают, – сказала Клементина тихо.

*

– Гуси улетают!

Так кричали дети под окнами её дома уже несколько дней кряду. А на прибрежной полосе по-прежнему гоготали, хлопали крыльями, дрались за место и скудную пищу тысячи перелётных птиц.

Клементина была на этих холмах уже несколько раз – ходила с другими жительницами города за травами-кореньями.

– Зима будет долгой, – говорили женщины. – Чтобы выжить, надо быть готовыми к трудностям.

Тогда впервые, пожалуй, Клементина, наконец расслышала это странное созвучие: «чтобы выжить». Но и расслышав, по-прежнему была уверена, что жизнь в Квебеке может быть скучна, но никак не опасна.

Она не чувствовала своей уязвимости и ничего не боялась.

Поэтому, когда Рамболь всё-таки оторвал её от раздумий и объявил о том, что скоро наступит момент, когда он не сможет больше быть рядом с ней, она огорчилась. И не сразу поняла, что Рамболя в первую очередь беспокоит её безопасность, тогда как она думала только об удовольствии, которое получала от общения с ним.

– Как жаль! – воскликнула Клементина. – Разве вы не будете зимовать в Квебеке?

– Я уже добрых полчаса пытаюсь рассказать вам... – улыбнулся Рамболь. – Через неделю, может быть, дней через десять, я покину Квебек. И вернусь сюда весной или летом уже только для того, чтобы отправиться обратно во Францию.

– Но почему? И куда вы отправляетесь сейчас?

– Появилось дело, в котором нам – всей нашей команде «Целестины» – необходимо принять участие. Господин де Мориньер предложил нам...

– Господин де Мориньер? – она перебила его, наморщила лоб. – Я слышала, кажется, уже недавно это имя.

Клементина задумалась. Ах, да! На днях Северак радостно размахивал перед её носом исписанным листком бумаги:

– Господин де Мориньер привёз мне письмо от моей невесты!

Рамболь смотрел на неё с удивлением – он засомневался вдруг, не перепутал ли чего:

– Мне казалось, вы должны быть знакомы. Разве не он просил моего дядю принять вас на борт «Целестины»?

Она пожала плечами.

*

Клементина ничего не боялась. И, если бы не сложности в отношениях с мужем, она чувствовала бы себя вполне довольной. Она столько нового узнала с тех пор, как они ступили на землю Новой Франции! И каждый день приносил ей новые впечатления.

Она с любопытством наблюдала за жизнью индейцев. Это было несложно. Часть из них строила свои жилища прямо между домами белых – изгороди их, сложенные из обтёсанных, очищенных от коры брёвен, вплотную соприкасались с изгородями, сооружёнными белыми. Из окна гостиной она часто наблюдала за тем, как играли у индейских хижин дети, как курили трубки взрослые. Тонкие струйки дыма тянулись из индейских домов. Запахи обедов, готовящихся в длинных домах гуронов – именно их деревушка располагалась на поляне, чуть наискосок от её дома – смешивались с ароматами, доносящимися из кухонь белых. И Клементина привыкла к этому сочетанию так же, как привыкла к запаху табака, горячей смолы и гомону индейской малышни.

*

Клементина выбрала себе духовника – маленького, круглолицего священника с добрыми глазами. Он, в самом деле, был необычайно добродушен и мягок. Клементина с радостью открывала ему своё сердце. И немало времени проводила рядом с ним.

Он рассказывал ей о жизни в Квебеке. Говорил об индейцах.

Однажды Клементина уговорила его взять её с собой в индейскую деревушку, расположенную у самых стен города. На небольшой и относительно ровной площадке, примыкающей к расщелистой, как обломанный драконий зуб, скале, тянулись, разделённые широкими полосами свободного пространства, длинные дома из коры вяза. У домов играли дети. Матери их сновали туда-сюда: следили за детворой, готовили на кострах еду. Старуха, расположившаяся у входа в один из домов, какое-то время пристально смотрела на Клементину. Потом поманила её к себе.

Клементина приблизилась. Старуха взяла её за руку, долго вглядывалась в лицо. Затем произнесла что-то – коротко, резко, будто выплёвывала из себя слова. Смотрела настороженно, колко.

– Что она говорит? – спросила Клементина у священника, стоявшего рядом.

Тот перебросился со старухой несколькими фразами. Потом пожал плечами:

– Говорит, что вам лучше держаться подальше от их домов, чтобы не пришлось выбирать между преданностью дому и преданностью народу.

– Что это значит?

– Не знаю.

Клементина улыбнулась старой индианке. Потом обернулась к священнику.

– Научите меня говорить на их языке, – сказала вдруг.

Он удивился:

– Вы хотите знать язык гуронов?

Услышав ответ, покачал головой:

– Не знаю, возможно ли это.

– Почему вы сомневаетесь, святой отец?

– Чтобы говорить с индейцами, мало знать язык, надо научиться мыслить как они. Видите ли, дитя моё, мы очень... очень сильно отличаемся от них.

– Так ли сильно? – улыбнулась Клементина, глядя на то, как мальчишки – юркие, темноволосые – играли у одного из домов в мяч. – Если судить по их играм, мы должны были бы говорить на одном языке.

Священник покачал головой:

– Вы ещё мало знаете.

– Должно быть, – согласилась Клементина. – Именно поэтому я и прошу вас, святой отец, помочь мне узнать больше.

*

Клементина была настойчива. Силу этой настойчивости – Оливье де Лоранс, впрочем, называл её упрямством – отец Моризо узнал очень скоро.

Клементина ходила вместе с ним по индейским деревушкам, облепившим со всех сторон Квебек. Пока иезуит завоёвывал души гуронов и абенаков, пока он исповедовал и отпускал грехи уже обращённых индейцев, она играла с индейскими детьми. Общалась с помощью жестов и нескольких, уже известных ей, слов с индианками.

Собираясь в гости, Клементина непременно прихватывала с собой из дома лакомства, угощала ими детвору. Довольно скоро индейцы привыкли к этой странной белой. Дети, едва завидев, бежали к ней – знали, что она непременно угостит их чем-нибудь вкусным. Женщины не возражали, когда она подсаживалась рядом. Смотрела внимательно, иногда бралась помогать: помешивала варившиеся в котелке бобы, когда матери отвлекались на шалунов-детей; перебирала коренья, связывала их в пучки; смотрела, как женщины занимаются выделкой шкур – вымачивают их, обезжиривают, очищают скребком. Этого, последнего, касаться ей не позволялось. Да она и не стремилась. Смотрела только. Интересовалась.

– Ваше сердце открыто людям. Это хорошо, – сказал ей однажды отец Моризо, застав её за «беседой» с очередной индианкой. – На этой земле нельзя иначе. Отторгая – не выжить.

Глава 6. Встреча

Иногда Клементина приходила в храм между службами, иногда задерживалась по их окончании. Ей нравилась гулкая тишина собора, прерываемая лишь лёгкими шагами служителей да тихим их покашливанием. Нравился свет, лившийся из узких окон вверх, лики ангелов, обращённые к ней. Нравился покой, снисходящий на неё, когда она пребывала в стенах храма. Звуки органа, голоса певчих, запах ладана – всё это действовало на неё умиротворяюще.

И в этот вечер Клементина осталась после вечерней службы.

Весь день она была занята по дому: отвечала на приглашения, разбиралась с уже заготовленными продуктами, составляла списки того, что ещё предстояло приготовить. Наблюдала за тем, чтобы все были заняты.

Клодин взбивала в погребе масло из овечьего молока. Николь готовила обед. Мари занималась уборкой. Сама Клементина долго возилась на кухне с тестом, потом пекла бисквиты. К обеду пришёл муж – усталый, холодный. Чужой.

Они обедали вдвоём – в полном молчании. Оливье де Лоранс отправлял в рот кусок за куском, время от времени делал глоток-другой красного бургундского. Клементине казалось, он не ощущал вкуса. Не понимал что ест и что пьёт.

Она поднимала время от времени глаза от тарелки, смотрела на мужчину, сидящего напротив. Снова опускала взгляд. Им не о чем было говорить.

К вечеру напряжение и усталость переполнили Клементину. Оттого, когда служба закончилась, она не торопилась покидать церковь.

Прикрыла глаза, задумалась. Вспоминала дом, родителей. Детство. Ей вдруг остро захотелось домой. Так остро, что, кажется, будь у неё сейчас хотя бы один шанс, хоть одна, самая неочевидная, возможность уехать, убраться... пешком уйти отсюда, она бы ушла. Но об этом нечего было и мечтать.

Она сидела, задумавшись. Не заметила, как разошлись по домам прихожане, как никого не осталось подле неё. Скамьи опустели. Дети, поющие в хоре, покинули свои места.

А она всё продолжала сидеть с закрытыми глазами – вдыхала ароматы, слушала затихающие звуки. С едва слышимым скрипом где-то в глубине собора открывались и закрывались двери, кто-то, шаркая, проходил мимо – в одну сторону, потом в другую.

В боковом нефё разговаривали двое. Поначалу звуки их речи сливались для Клементины в одно целое – эту чудесную музыку погружающегося в сон храма. Потом она стала различать голоса. Один принадлежал епископу. Второй... второй был ей незнаком, но тембр его, мягкость его звучания, действовали теперь на неё гипнотически.

Чтобы сбросить с себя оцепенение, выйти из этого странного, полубессознательного состояния, Клементина усилием воли распахнула глаза, поднялась.

Наверное, она сделала это слишком резко. Всё поплыло, она покачнулась, ноги отказывались держать её. Чтобы не упасть, ей пришлось снова опуститься на скамью.

Она не заметила, как он подошёл. Оттого вздрогнула, услышав вдруг у самого уха:

– Вам плохо, мадам?

Повернула голову, взглянула на стоящего перед ней человека в чёрной сутане.

– Ничего страшного, святой отец. Голова закружилась.

Он присел рядом. Взял её за руку, пощупал пульс.

А она, взглянув на него только, замерла. Не могла заставить себя отвести глаз. Смотрела на его склонённое лицо, на тонкие пальцы, сжимающие её запястье, и краснела. Думала: что, если он заметил, как наблюдала она сегодня за ним в течение всей службы?

Он – один из тех, кого индейцы называли Черными Платьями, – стоял вместе с другими иезуитами возле хоров наверху. Строгие, неподвижные, они напоминали черных воронов. Ей казалось, вот взмахнут они руками, и руки их превратятся в крылья.

Иезуиты эти были похожи друг на друга, как близнецы. Бледные, застывшие. Торжественность в них странным образом уживалась с отрешённостью. Клементина не могла понять этого сочетания. Возможно, думала, потому она и отметила в первый момент его, стоявшего с самого края. Чуть сбоку, чуть в стороне.

Лицо его было смугло. Чисто выбритое, как и лица остальных, стоявших рядом с ним, оно выделялось какой-то особенной, необычайно привлекательной для всякого стороннего человека, живостью. Из всех них он единственный «присутствовал» на этой службе – слушал, смотрел, о чём-то думал.

Но кроме этого было что-то ещё...

Клементина осознала это «что-то» в тот момент, когда он, подняв голову, взглянул ей в глаза:

– Отчего вы так смотрите на меня, дитя моё?

Она смутилась.

– Простите. Я... Почему-то лицо ваше кажется мне очень знакомым, отец мой.

Иезуит улыбнулся. После небольшой паузы ответил:

– Возможно, мы когда-нибудь встречались?

– Нет-нет, – покачала она головой, – это совершенно исключено. Всю свою прошлую жизнь – до того, как оказалась здесь, в Квебеке, – я прожила в Аквитании, в старом замке на берегу Гаронны. И никуда из него не выезжала. Так что... я не думаю, святой отец.

Отпустив её руку, он поднял голову. Огляделся. Поискал кого-то взглядом. Нашёл, развёл руками – ну что там?

Мальчик, одетый в чёрный костюм, единственным украшением которого был белоснежный воротничок, подбежал к ним с виноватым видом. Подал иезуиту кружку с водой.

Тот усмехнулся:

– *Potius sero quam nunquam*², дитя моё?

Мальчишка закусил губу.

– *Da veniam, mea pater*³.

Иезуит повернулся к Клементине.

– Я вижу, что вам уже лучше. Но всё же выпейте.

Поднёс воду к её губам. Пока она пила, продолжал придерживать кружку за днище. Потом выпустил её из рук, поднялся.

– Я сейчас вернусь. Дождитесь моего возвращения, мадам.

Клементина кивнула. Обхватила кружку двумя руками.

– Он очень добрый, – прошептал мальчик.

---

² лучше поздно, чем никогда (лат.)

³ простите, отец мой (лат.)

- Кто?
- Отец д'Эмервиль.

Клементина подумала – добрый? Возможно. Но если бы её спросили о впечатлении, которое произвёл на неё этот иезуит, она в первую очередь сказала бы, что он умный и необычайно проницательный. Когда он смотрел сейчас на неё, ей казалось, он проникает взглядом, сознанием своим в каждый уголок её сердца. Не намеренно, нечаянно. Потому только, что так устроен. И Клементина подумала даже, что это, должно быть, чрезвычайно неудобно – видеть всякое движение души собеседника. И собеседнику тому случайному – неудобно, неловко. Не убережешься – и всякая твоя мимолётная, возможно, неприглядная, предосудительная мысль, которую ты, едва осознав, в иное время в зародыше бы уничтожил – уже стала чужим достоянием. И не откажешься от неё, не отречёшься.

Клементина смотрела, как отец д'Эмервиль подошёл к ожидавшему его у алтаря епископу, что-то сказал ему. Монсеньор де Лаваль бросил взгляд в её сторону. Коснулся рукава собеседника, ответил. Иезуит улыбнулся, соглашаясь.

Епископ позвал убирающегося в храме мальчишку. Выслушав приказание, тот кивнул и сломя голову кинулся из церкви.

Увидев, возвращающегося иезуита, Клементина приготовилась подняться. Вспомнила о кружке, которую продолжала держать в руках. Протянула её мальчику.

- На, возьми. Спасибо тебе. И прости, что заставила тебя ждать.
- И вы тоже добрая, – шепнул мальчонка, взглядывая на отца д'Эмервиля.
- Тот повёл рукой – ступай. Покачал головой, отмечая движение Клементины.
- Посидите немного. Сейчас подадут экипаж.
- Слова его произвели ровно обратный эффект. Она подскочила:
- Что вы, святой отец! Не надо. Я вполне в состоянии дойти до дома сама.
- Он улыбнулся:
- Не сомневаюсь. Но его преосвященство считает, что лошадям не мешает размяться.

Ей ничего не оставалось, как вновь послушно опуститься на скамью. Клементина ждала, что повиснет неловкая пауза – состояние стеснённости стало для неё привычным, – однако отец д'Эмервиль, похоже, был гораздо более умен в части ведения светских бесед, чем можно было предположить. Он заговорил – тихо, тоном почти интимным. Говорил о подготовке города к предстоящим праздникам, о желании его преосвященства, монсеньора де Лавалья, открыть в Квебеке церковную семинарию, о детях – о том, как будет хорошо, когда у них появится возможность получать на этой земле образование.

Он говорил, и Клементина была благодарна ему за то, что ничто из сказанного им не требовало её ответа. Он не ждал, что она примет участие в разговоре. Просто заполнял паузу.

- Когда экипаж подали, он поднялся. Протянул к ней руку.
- Я провожу вас домой, дитя моё, – сказал.
- Она воскликнула:
- О, нет! Не нужно, благодарю. Мне и так неловко, что я отвлекла вас от вашего долга.
- Я не отступил от него ни на йоту, – спокойно ответил иезуит.

*

Когда они вышли из храма, темнота уже опустилась на город. И только несколько едва различимых, мерцающих вдалеке жёлтых точек – фонарей, что несли в своих руках редкие прохожие, – доказывали, что ещё не так поздно, как могло бы показаться.

Клементина, вдохнув ледяного воздуха, закашлялась. Ухватила рукой за край капюшона. Порывы ветра сбрасывали его с головы, трепали причёску.

Она придерживала капюшон рукой. Пока они спускались по лестнице, молчала. Сквозь завывания ветра всё равно ничего невозможно было бы расслышать.

Отец д'Эмервиль подал ей руку, подсаживая в остановившийся у ступеней церкви экипаж. Сам сел напротив. Закрыв дверцу.

Пока карета огибала площадь, они молчали. Слушали цокот копыт по булыжной мостовой, шум ветра, едва слышимый стук дождя по крыше.

Потом он снова заговорил. Спокойно. О погоде, о городе, о последних распоряжениях городских властей. Она слушала – с каким-то удивлявшим её удовольствием. И снова, как прежде в храме, испытала почти забытое ощущение бесконечного покоя – детского, дарящего уверенность и защищённость.

Она вздрогнула, когда он коснулся её руки.

– Вам опять дурно?

– Нет, монсеньор. Всё в порядке, благодарю.

Он больше ничего не сказал. Только едва заметно двинул бровью, отчего лицо его приняло выражение слегка насмешливое.

Он, должно быть, задал ей вопрос, поняла Клементина, и теперь ждал ответа на него. А она не знала, что ей следует говорить, потому что не услышала ни слова – только голос: мягкий, обволакивающий, утешающий.

Клементина думала в этот момент: если бы она нуждалась в утешении, если бы никто больше не мог бы её успокоить, она бежала бы к нему в надежде услышать этот тихий, спокойный, глубокий голос.

Она улыбнулась смущённо.

– Простите меня, святой отец, я задумалась.

Помедлив мгновение, продолжила:

– Я думала о том, что ваши проповеди обречены на успех. Даже если вы будете говорить с индейцами по-французски, они пойдут за вами затем только, чтобы иметь возможность просто слушать звучание вашей речи.

Он засмеялся тихо:

– Никто до сих пор не находил во мне сходства с гамельнским крысоловом.

Она оценила его шутку, легкомысленно качнула головой.

– И я, отец мой, не имела в виду ничего похожего. Мне и в голову не могло бы прийти, что вы способны воспользоваться вашим даром для того, чтобы погубить несчастный, не умевший сопротивляться ему, народ.

Ответ этот заставил иезуита наклониться вперёд. Заглянуть ей в глаза.

– А что насчёт горожан? Следует ли мне остерегаться их вероломства?

Заметив затаившуюся в глубине его глаз улыбку, она улыбнулась в ответ:

– Никто не посмеет вас обмануть, отец мой.

*

– Я слышал, вы вчера прекрасно погуляли с господином Рамболем?

Ужин завершился. И Клементина поднялась, чтобы по обыкновению отправиться на кухню. Там она грелась и отдыхала – смотрела, как возится с горшками и чанами Николь, обсуждала с девушками меню на следующий день. Старалась не позволить мужу испортить ей настроение. По вечерам он бывал особенно раздражителен.

Но сегодня ей не удалось вовремя ускользнуть.

И теперь Клементина смотрела на Оливье де Лоранс с недоумением. В тоне его, когда он задавал свой вопрос, очевидно слышался сарказм. Меж тем Клементина не хотела понимать его причины.

– Да, – ответила. – Мы замечательно прогулялись. Вы забыли, что сами советовали мне взять его в провожатые?

Лоранс вскочил, стукнул кулаком по столу.

– Не прикидывайтесь дурочкой! Я не имел в виду, что вы должны гулять с ним наедине! Почему вы не захватили с собой Николь? Или Клодин? Вы были вдвоём с мужчиной в течение нескольких часов. Половина Квебека видела вас, когда вы возвращались в город!

Она устало вздохнула.

– Вы забываете, что в моём теперешнем положении я навряд ли могу хоть сколько-нибудь интересовать посторонних мужчин?

– Мне наплевать на ваше положение! Есть, в конце концов, у вас голова на плечах? Или её нет? Почему, чёрт вас возьми, я должен выслушивать двусмысленные намёки от неприятных мне людей?

Клементина молчала. Она чувствовала себя ужасно. Ребёнок внутри неё зашевелился, затрепыхался и больно стукнул её в самый низ живота. Она побледнела. Сделала шаг к двери.

– Спокойной ночи, Оливье.

Он загородил ей дорогу.

– Нет, вы не уйдёте! Вы никуда не уйдёте, пока я не договорю.

Северак, до этого момента усиленно изображавший безразличие глухого, произнёс, не поднимаясь со своего места:

– Не преувеличивайте, друг мой. Господин Беранжер не имел в виду ничего, что могло бы вас оскорбить.

– В самом деле? Вы слышали, каким отвратительным голосом он произнёс это: «Вы вполне можете остаться и сыграть с нами в ла прим. Ваша жена уже вернулась. Я видел, как она входила в дом. Господин Рамболь проводил её до самого порога».

Он в точности повторил интонации Беранжера.

Северак не выдержал, рассмеялся.

– Никогда прежде не замечал в вас такого таланта к актёрству.

– Не валяйте дурака! – оборвал его Лоранс. – Разве непонятно, что он хотел этим сказать?

– Ровным счётом то, что сказал. Квебек – не Париж. А вы напрасно отказались от пары-тройки партий. Возможно, вы выиграли бы, и ваше настроение улучшилось.

Лоранс отмахнулся – замолчите. Снова повернулся к жене.

– А где вы были сегодня вечером?

– В церкви.

– Не поздно ли вы оттуда вернулись?

– Признаюсь, я с радостью осталась бы там на ночь, только бы не слышать ваших истерик, – заметила она холодно.

Договорив, Клементина решительно обогнула его и вышла из комнаты.

*

Нервы Оливье де Лоранса, в самом деле, были напряжены до предела. И он, желая расслабиться, весь вечер пил. Наливал кружку за кружкой. Севераку не предлагал – не в гостях. Захочет – вот стол, вот бутылка!

Накануне у самых стен Квебека его солдаты обнаружили мёртвым мальчишку – славного парнишку двенадцати лет. Тот каждый день на рассвете прибегал в казармы. Сидел на высоком парапете, смотрел восхищённо на марширующих по площади солдат. Мечтал о подвигах.

Лоранс, которому уже доводилось в своей жизни встречаться со смертью, на этот раз не мог похвастать выдержкой. Перевернув тело мальчика на спину, увидев залитое кровью лицо, распахнутые в удивлении глаза, раскрытый рот, он бросился прочь, упал на колени, склонился к траве. Его вырвало на глазах у его подчинённых.

Он не сразу смог подняться. Сидел, прижимая ладонь к губам.

Потом встал, наконец. Подошёл к труп.

Стрела в спине и отсутствие скальпа не позволяли сомневаться в том, что в этом убийстве виновны индейцы.

Но кто? Кто именно бросил им вызов? Жаль, что не определить, чьих рук это дело!

Он произнёс последнее вслух. Увидел удивлённые лица – почему не определить? о чём тут гадать? это стрела могавков!

Солдат, вынувший стрелу, провёл кончиками пальцев по оперенью – вот же!

Лоранс почувствовал себя отвратительно: он был глупым, бестолковым, никчёмным. Он не знал простых вещей. Он был слабым – он не мог смотреть в лицо мёртвым детям. Он не мог ничего – даже добиться повиновения от своей жены!

*

– Ваша ревность – означает ли она, что вы любите... хотя бы питаете слабость к своей жене? – спросил вдруг Северак.

– Люблю? – Оливье де Лоранс нахмурился. – Не больше, чем свою шпагу. Или вот... плащ или свои сапоги. Если бы вам... или... ч-чёрт... кому-то другому пришла мысль воспользоваться ими, я также был бы против.

Лоранс был сердит. От него требовали ответа, которого он не знал. И не хотел знать.

Клементина не давала ему ничего такого, чего он прежде не имел с другими женщинами. Если в самом начале их супружеской жизни она хотя бы притворялась, что ждёт его прихода, что рада его появлению в её постели, то теперь даже этого она делать не желала. Да и с какой стати этот нахал требует от него ответа?

Лоранс хотел было задать этот вопрос Севераку. Но не смог его проговорить – запутался в первых же слогах. Раздражённо швырнул опустевшую кружку на стол. Произнёс то, что смог:

– Да. Что моё – то моё! Как шпага или плащ! Или... с-сапоги.

– Вот как!? – воскликнул Северак. – Ну так, по крайней мере, уберегите свою жену от этого знания! И не мучайте её своими придирками, Оливье, хотя бы несколько ближайших месяцев. Если, конечно, у вас нет цели лишиться наследника.

Он бы, Лоранс, ответил этому чистоплюю, если бы не был теперь так пьян. Он сказал бы ему... Сказал бы... если бы тот не покинул его вдруг.

Глава 7. Милость или опала?

– Вот уж не мог предположить, мой дорогой Мориньер, что однажды вы предстанете предо мной в роли книжного червя!

С этими словами граф де Грасьен появился на пороге библиотеки монастыря иезуитов, в которой вот уже несколько дней проводил всё свое время его друг.

При виде Филиппа Мориньер оторвался от своего занятия, оставил бумаги, над которыми корпел уже несколько часов, спросил легко:

– Вы решили повидать меня просто так? Или у вас появилось ко мне дело?

– Я пришёл посмотреть, как вы устроились.

Мориньер улыбнулся:

– Что ж... – он простёр руку в направлении свободного кресла. – Прошу. Присядьте ненадолго. Я сейчас освобожусь.

Филипп сел, огляделся по сторонам. Стеллажи, битком забитые книгами, упирались в высокий потолок. Через небольшие окна в комнату лился холодный свет, растекался неуверенными потоками по библиотеке.

Стол, за которым сидел его друг, располагался под одним из таких окон. И Мориньер теперь вполне обходился без свечей. Но дальше поток дневного света оскудевал, и уже в нескольких шагах от окна корешки старинных книг тонули в вечном глубоком сумраке.

Не высидев и нескольких минут, Филипп поднялся. Подошёл к полкам, провёл пальцами по кожаным переплётam.

– Никогда не думал, что в этой глуши может быть столько книг! – сказал удивлённо. – Теперь я не так удивляюсь тому, что вы отказались поселиться в городе.

Мориньер поднял голову.

– Я только тратил бы драгоценное время на хождение туда-сюда и изнурял хозяев этого гостеприимного поселения ежедневными просьбами позволить мне выбрать очередную книгу или отыскать в глубинах библиотеки необходимые карты и таблицы. Находясь же на положении гостя, я могу проводить здесь столько времени, сколько нужно.

Филипп повернулся в его сторону.

– О! Могу себе представить! – воскликнул. – В таком случае, вы, по-видимому, отсюда вообще не выходите!

Мориньер рассмеялся.

– Не беспокойтесь. Бертен не позволяет мне зачехнуть над книгами. Не имея возможности повлиять на меня во всём остальном, он, как минимум, внимательно следит за тем, чтобы я не пропускал обедов. Кстати... Я оставлю вас на минутку.

Он поднялся, вышел за дверь. Вернулся в самом деле спустя минуту.

Филипп не только соскучиться, но даже глянуть толком в разложенные на столе бумаги – не успел.

Подошёл, склонился над картой, провёл по ней пальцем – Святой Лаврентий, Квебек, Виль-Мари, какие-то форты, обозначенные на бумаге мелким кривым частоколом.

Заметив Мориньера, остановившегося за его спиной, Филипп спросил:

– Зачем вам всё это? Что вы собираетесь делать?

Тот улыбнулся, взялся складывать пожелтевшие, испещрённые чернильными значками, листы:

– Вступить в свои сеньориальные права. Король подарил мне земли, я пришёл на них жить.

– Вы шутите?

– Разумеется, нет.

– Неужели вы в самом деле думаете, что его величество оставит вас тут надолго?

Мориньер справился с бумагами, сложил их стопкой на краю стола, захлопнул книгу.

– Я не собираюсь гадать о сроках, Филипп. Я намерен жить здесь так, как если бы это было навсегда.

*

Сложив бумаги, Мориньер пригласил Филиппа жестом следовать за ним.

Они тихо затворили за собой двери в библиотеку, спустились по узкой лестнице, расположенной в конце коридора, прошли по двору – мимо церкви, конюшни, коровника. Два монаха в чёрных рясах пронесли мимо них вёдра, наполненные только что надоенным молоком.

Монахи замедлили движение, приветствовали Мориньера и его гостя, потом пошли дальше – к фермам, где молоку суждено было превратиться в великолепные сливки, творог, сыр. Они шли, стуча деревянными башмаками по выложенной из камня дорожке.

Филипп де Грасьен обернулся, проводил взглядом сутулые, сухощавые фигуры братьев.

– И надолго вы тут собираетесь оставаться? – спросил.

– Тут?

– В монастыре.

– А... Не знаю. Пока не завершу все дела. Но задерживаться мне нет резона. Я должен успеть сделать слишком многое до того, как ляжет снег.

*

Мориньер остановился в большом, специально выстроенном для странников, доме. В эти дни в каменном двухэтажном здании, расположенном на территории монастыря иезуитов, больше никого не было. Но Мориньер знал, что случались дни, когда в доме для гостей яблоку негде было упасть. Здесь находили приют собственно иезуиты, возвращавшиеся из далёких миссий – усталые, измождённые, порой изуродованные, едва живые. Здесь останавливались путешественники – вместе со всем своим скарбом, своими проводниками и своими впечатлениями. На этой территории, отгороженной от остального мира частоколом, находился их рай. Тут они отдыхали, набирались сил, делились своими знаниями. Они составляли карты, писали отчёты.

Здесь царствовал Разум Новой Франции.

*

Пока они шли по длинному, узкому коридору, Филипп думал о том, что место это очень подходит его другу – своей основательностью, сдержанностью, даже суровостью.

Мориньер не был убеждённым аскетом. И его парижский дом мало чем отличался от домов прочих аристократов. Он был прекрасно обставлен, заполнен предметами искусств и массой великолепных безделушек. Но Мориньер – во всяком случае, так всегда казалось Филиппу – не придавал обстановке ровно никакого значения.

Роскошь, как таковая, не привлекала его. Мориньер превосходно обходился минимумом удобств. Оттого, попав в Новую Францию, он, должно быть, в самом деле чувствовал себя вполне комфортно.

*

Комната Мориньера оказалась ровно такой, как ожидал Филипп: ничего лишнего – кровать, стол, пара стульев. И камин.

Это, последнее, очень обрадовало Филиппа – он тут же пододвинул стул к огню. Протянул к пламени руки.

Дрова едва занялись. И в комнате было ещё холодно.

Какое-то время Филипп молчал – пытался согреться. Мориньер тихо беседовал с появившимся на пороге слугой. Когда, выслушав приказания, тот исчез, Филипп поднял на Мориньера взгляд.

– Что ж, – сказал он. – Я бы мог признать, что вы устроились неплохо, если б сам не купался теперь бессовестно в роскоши, будучи гостем в доме господина губернатора. Но не завидуйте мне, Жосс. Положение королевского посланника – я никогда бы не поверил, не ощути этого сам – имеет и свои отрицательные стороны. Господин д'Авогур готов горы свернуть ради того, чтобы мне угодить. Однако это же создаёт определённые проблемы.

Мориньер повернулся к Филиппу.

– Именно поэтому я бы советовал вам не задерживаться надолго в доме господина губернатора, а снять небольшой домик в Верхнем городе. Там есть несколько вполне приемлемых.

– А вам откуда это известно?

Мориньер улыбнулся.

– Почему это вас удивляет? Вы ведь должны помнить, что я никогда не пренебрегал возможностью...

Он прервал речь, потому что в этот момент дверь распахнулась, и вместе со слугой, чувствовавшим себя, кажется, вполне довольным, в комнату ворвались аппетитнейшие ароматы, заставившие Филиппа сглотнуть слюну и совершенно забыть, о чём они там теперь говорили.

*

– Однако... – произнёс Филипп де Грасьен, ошеломлённо глядя на выставленное на стол великолепие, – если бы я не пересекал океан вместе с вами и не знал бы, кто составлял вам в этом путешествии компанию, я подумал бы, что вы привезли сюда свою любимую кухарку, свою... как её там...

– Разумеется, нет, – засмеялся Мориньер. – Агнес осталась в Париже. И я не нанял кухарку здесь. Просто Бертен... мой незаменимый Бертен на следующий же после нашего прибытия день подружился с хозяйкой трактира, что располагается на той стороне Соборной площади. И теперь я имею возможность иногда обедать в своей комнате.

Он уселся за стол:

– Присаживайтесь же, Филипп! Вы ведь не ждёте, что за вашей спиной встанет лакей, чтобы подносить вам ко рту чашу с вином и вытирать салфеткой ваши губы? Даже здешний губернатор не позволяет себе таких излишеств. Хотя вот уж кто в этом городе обладает всеми задатками Цезаря!

Филипп благодушно слушал легкомысленную речь друга. Молчал. Думал: совсем недавно этот человек был на пороге величайшего краха.

*

Он вспомнил худощавую фигуру Мориньера у окна королевской приёмной.

Людовик сделал тогда всё, чтобы его приглашение выглядело арестом. Он приказал, чтобы у лестницы Мориньера встретил начальник королевского конвоя, герцог де Жевр, – тот самый, что так громко страдал, когда его величество не доверил ему арест Никола Фуке.

Де Жевр торжествовал. Он так давно ждал момента, который позволил бы ему восстановить его репутацию доверенного лица короля.

Он остановил гвардейцев, сопровождавших Мориньера во дворец, расставил их по обеим сторонам ступеней. Сам направился следом, поднимался чуть позади «арестованного». Молчал, улыбался довольно.

Завидев тогда эту улыбку герцога, Филипп сжал кулаки. Он готов был убить мерзавца!

Впрочем, злость его быстро утихла. И сам он вскоре, вслед за всеми присутствовавшими в тот час в приёмной, не сумел удержаться от улыбки.

Мориньер шёл по центру зала размашистым шагом с видом господина, получившего приглашение на дружеский ужин к приятелю. Герцог же, бывший заметно ниже Мориньера, вынужденно семенил чуть позади.

Де Жевр желал выглядеть хозяином положения, а смотрелся получившим нагоняй слугой.

Он осознал это не сразу. Он заметил неладное, уже войдя в приёмную и пройдя её наполовину. Расступаясь, освобождая путь Мориньеру, все, находившиеся в этот момент в помещении, переводили взгляд с величественно вышагивающего «арестанта» на него, герцога де Жевра, и... улыбались.

Он пришёл в бешенство, но ничего не мог с этим поделать. Если бы он замедлил шаг, он попросту отстал бы от «арестованного».

Заметив Филиппа, направлявшегося к Мориньеру, де Жевр в ярости выставил руку.

– Не приближайтесь, граф! Приказ короля!

Мориньер улыбнулся.

Приветственно кивнул. Прошёл прямо к тому самому окну, возле которого ему пришлось потом простоять более часа, чувствуя спиной присутствие торжествующего де Жевра.

Он стоял неподвижно, словно изваяние. Повернулся только, когда прозвучало его имя – король ожидал его.

*

Когда за Мориньером закрылись двери, атмосфера в приёмной продолжала оставаться крайне напряжённой. Присутствующие по-прежнему забывали дышать. Они почти не двигались, не говорили, смотрели настороженно на двери в кабинет, около которых стояли навыв-

тяжку два королевских гвардейца. И навряд ли кто-нибудь из них мог бы объяснить в тот момент, отчего судьба Мориньера – этого непобедимого воина – так теперь волновала их.

Только спустя несколько часов Филиппа, наконец, пригласили войти.

Он ждал этого. Людовик приказал ему не отлучаться из приёмной.

– Вы можете нам понадобиться, – произнёс холодно.

Чего ожидал от него монарх, Филипп не знал. Знал только, что и его судьба в тот день тоже висела на волоске, потому что, потребуй тогда от него Людовик отречься от друга, он, Филипп, оказался бы в безвыходной ситуации. Он не мог отказаться от служения своему королю. И он не мог бы отступить от их с Мориньером дружбы.

*

Когда Филипп вошёл в кабинет, Мориньер и Людовик стояли друг напротив друга. И было очевидно, что они простояли так довольно долго. Многие уже было сказано. И с лица Людовика сошло наконец ставшее привычным за последние дни выражение бессильной ярости. Он был взволнован, крайне утомлён, но одновременно с этим уверенно-горделив, как и всегда прежде.

Мориньер же, державший руку на эфесе шпаги, был до странности бледен. Казалось, завершившийся разговор отнял у него все силы.

Скользнув встревоженным взглядом по Мориньеру, Филипп обратил всё своё внимание на короля.

– Входите же, господин де Грасьен, – махнул Людовик рукой, заметив, что тот остановился у дверей. – Входите. Убедитесь, что ваш друг жив и здоров. Хотя, признаюсь, были моменты, когда он находился на волосок от гибели.

Филипп склонился перед королём, потом, выпрямившись, удивлённо воззрился на Мориньера, на губах которого вдруг заиграла странная усмешка.

– Подойдите ко мне, друг мой. Подойдите, – говоря это, Людовик сам приблизился к Филиппу, взял его под руку, провёл к своему столу. – Вам выпала великая честь служить вашему королю там, где в ближайшее время потребуются усилия самых верных, самых славных наших сынов – в Новой Франции.

Филипп поклонился ещё раз, продемонстрировал готовность исполнить любой приказ его величества. Не выказал ни малейшего удивления, бровью не повёл, услышав, сколь долгое путешествие ему предстоит.

Потом Людовик долго говорил с ним: давал задания, советы, мешал требования с пожеланиями.

– Полный и подробнейший отчёт – вот что нам нужно будет от вас. Вы, дорогой мой друг, должны привезти его из Квебека в следующем году.

– Я, ваше величество? – спросил Филипп. – Не мы?

Он обернулся к Мориньеру.

– Только вы один, – повторил Людовик. – Ваш друг останется за океаном на неопределённое время. Очень неопределённое.

Людовик подошёл к Мориньеру, взглянул ему в глаза.

– В вас, мой дорогой, слишком много энергии. Мы долго думали, как нам с вами быть. И решили, что вам следует найти для этой вашей энергии лучшее применение, чем то, что вы демонстрировали тут в последнее время. Вы останетесь в Новой Франции. Вы меня поняли?

Это «вы меня поняли» прозвучало гораздо менее высокомерно, чем всё, что было сказано прежде. И Мориньер, взглянув на короля, вдруг улыбнулся:

– Я всё понял, государь.

Филиппу показалось в тот момент, что король едва удержался от привычного жеста. Он протянул руку, приготовился коснуться плеча своего слуги. Потом остановился, замер, уронил руку.

*

– Что тогда произошло между вами и королём? – спросил вдруг Филипп.

Мориньер положил вилку на край тарелки, поднял на друга взгляд.

– Простите, я не вполне понимаю, о чём вы сейчас спрашиваете.

Филипп и сам осознал в этот момент, что вопрос его прозвучал слишком неожиданно – откуда Мориньеру было знать, в какие дебри завели его, Филиппа, размышления?

Между тем, он думал и всё никак не мог понять, чему тогда он оказался свидетелем? Свершению величайшей несправедливости или проявлению величайшей же милости?

Он вспомнил, как резко говорил Людовик с Мориньером в кабинете и как потом вдруг вышел под руку с ним в приёмную. Улыбался, изображал довольство и уверенность. Ласково похлопывал его, Филиппа, по плечу и милостиво кивал, когда они с Мориньером прощались с его величеством на пороге приёмной.

– Уверен: ничто не может быть для вас слишком сложным, – сказал им, склонившимся в глубоком поклоне, Людовик.

Филипп не был уверен в своём праве задавать вопросы. И всё-таки он спросил.

– Я хотел бы понять, что это для вас было, Жослен? Величайшая милость или опала?

Тот посмотрел на него долгим взглядом.

– И то, и другое.

Глава 8. Уттесунк

На землях онондага заседал Большой Совет. Сахемы уже выкурили свои трубки, уже огласили имена всех погибших за последний год. Проявили, как полагается, скорбь. Воздали каждому дань уважения.

Девять сахемов от могавков, восемь – от сенека, девять – от онейда, десять – от кайюга и четырнадцать – от онондага. Все они собрались у подножия Великого Дерева Мира, чтобы высказаться и договориться, наконец, насчёт того, как быть с проклятыми гурунами. Долгая война с ними истощала ходеносауни⁴ – людей длинного дома.

Уттесунк, сын Дайо-Хого, великого сахема могавков, хотел бы тоже быть на этом Совете. Он бы высказался, проголосовал за войну. Но ни возраст, ни положение пока не позволяли ему этого. Он мог только надеяться, что сахемы примут то решение, которого он так желал.

Он ждал, когда вернётся в деревню делегация, принимавшая участие в Совете. Думал: если повезёт, они, могавки, снова отправятся воевать. И он тоже уйдёт с воинами.

Уттесунк готов был к войне. Он ждал её, чтобы иметь возможность снова проявить свою доблесть.

*

Он сидел у входа в длинный дом, ждал своих товарищей, с которыми собирался охотиться. Смотрел на большую белую собаку, которая явилась неизвестно откуда и вот уже второй день оставалась у порога дома, в котором он жил.

Уттесунк смотрел на пса, молчал. И тот глядел на него, не двигался.

– Ты пришёл, чтобы стать жертвой? – спросил наконец молодой индеец.

Животное вздохнуло и улеглось у его ног.

– Так и будет, – сказал тихо Уттесунк. – Когда придёт пора, ты будешь преподнесён Таронхайвакону, как того требует обычай.

Он ласково коснулся рукой головы пса.

– Оставайся.

Уттесунк не удивился появлению собаки. Ведь несколько ночей назад ему явился Таронхайвакон – сын бога Неба и внук богини Земли. Явился в плаще из собачьих шкур, уселся на его ложе, коснулся его груди – так, что горячие иглы пронзили тело Уттесунка. Ему снилось, что он проснулся. И между тем он точно знал, что спит.

Таронхайвакон долго пристально смотрел на него. Потом сказал:

– Ты хочешь прославиться? И вместо того, чтобы идти за славой, ждёшь, когда она сама придёт к тебе?

Он покачал головой укоризненно.

– Иди и охоться. Там, на тропе охоты, ты найдёшь всё, что тебе нужно.

– Что это – всё? – спросил Уттесунк, усаживаясь на ложе.

– Твоя охота будет удачной. Твоя добыча будет велика, твоя жизнь переменится. Иди и охоться, – повторил Таронхайвакон.

---

⁴ самоназвание ирокезов

Едва проснувшись тогда, Уттесунк направился в дом к матери. Он не стал разговаривать со своими товарищами – пророчество жгло его уста. А он знал, – каждый индеец знает это с детства! – пока пророчество не исполнится, о нём можно рассказывать лишь членам семьи.

Мать встретила его радостно. Поставила перед ним горшок с варёными бобами. Выслушала его. Сказала:

– Ты пережил шестнадцать зим и прошёл испытания. Ты мужчина и воин. Тебе не нужны мои советы, чтобы решать, следовать ли выбранным тобой путём.

Она улыбнулась, заметив смущение сына.

– Иди и делай то, что велел тебе Таронхайвакон.

Уттесунк был доволен.

Он вернулся в свой дом. Подозвал ещё двух молодых сородичей – тех, с которыми всего несколько лун назад проходил обряд посвящения в воины. Сказал:

– Если мы убьём лося, в деревне будет праздник. А, возможно, нам повезёт, и мы выследим не одного лося, а целое стадо. Я знаю, там, за рекой, в осиннике, часто пасутся лоси. Если мы убьём их, мы обеспечим мясом деревню. Можно ли от этого отказываться?

Его друзья согласились – нельзя.

Надо только сказать Учителю. Он будет недоволен, если они без его разрешения пропустят тренировки.

*

Уттесунк старался не проявлять нетерпения. Но выдержка в этот раз давалась ему непросто.

Сидя теперь перед домом в ожидании товарищей, он думал: «Возможно, сейчас уже члены Совета празднуют его окончание. И скоро они разойдутся, распрощаются. Пройдут горами, перейдут вброд реки, с песнями, приплясывая, ступят на территории своих селений. И отец его тоже окажется дома.

Если ему и его братьям посчастливится, они успеют добыть лося или даже нескольких лосей до того, как делегация могавков вернётся в родную деревню. И тогда они смогут устроить большое празднество в честь возвращения великого сахема.

Он говорил себе, что беспокоится о том лишь, как бы не оплошать, не упустить зверя, не вернуться с охоты без добычи. Но обмануть себя не мог. Его тревожила не так первая часть пророчества, обещавшая ему успешную охоту, как вторая – та, что касалась женитьбы.

В самом конце, уже собираясь покинуть его, Таронхайвакон сказал: «На тропе, что тебя позовёт, ждёт тебя жена – женщина народа большой горы, дочь клана Медведя⁵. Не пропусти её».

Уттесунк думал: «Как можно пропустить ту, которая предназначена тебе в жёны? Что может помешать узнаванию?»

Ни одна женщина в селении до сих пор не нравилась ему настолько, чтобы он пожелал заполучить её в жены. Но он был уверен: если есть такая на свете, он, увидев её, сразу это поймёт.

Он был уверен и всё-таки волновался. Представлял себе эту встречу, и его бросало в жар.

---

⁵ сенека

Уттесунк вспоминал ласки, которыми награждали друг друга отец с матерью. А он лежал на соседнем ложе, слушал прерывистое их дыхание, смотрел на блестящие от пота и медвежьего жира бедра отца, движущиеся между ног матери, и чувствовал вот это самое – жар, рождающийся в низу его живота и распространяющийся по всему телу, до макушки, до кончиков пальцев.

Будет ли рад отец, – думал молодой могавк – когда узнает, что Великое божество напроорило ему, Уттесунку, жену? Не скажет ли он, что сыну великого сахема следовало бы сначала проявить свои воинские качества?

Мать не сказала. Хотя в её глазах он увидел сомнение – мелькнуло и пропало.

Шестнадцать зим – короткий срок. Он и сам знал это. Совсем ещё недавно ни одна мать не стала бы присматривать жену для своего сына до того, как тот проживёт двадцать пять зим. Но с некоторых пор всё стало по-другому. И теперь многие женились гораздо раньше.

Уттесунк был удивлён тем, как сильно билось теперь его сердце.

«Мать не стала возражать, – радовался он. – Не стала».

Она посмотрела на него и сказала:

– Снами нельзя пренебрегать. Иди и возвращайся.

И он теперь закрывал глаза, справляясь с волнением. Представлял себе, как войдёт его будущая жена в дом, неся в руках маисовые лепёшки, как отдарится его мать добытым им на охоте мясом лося.

Сны всегда сбываются, думал.

Всегда.

*

Клементина брела по тропинке в сторону берёзовой рощи – той самой, где в прошлый раз она в сопровождении Рамболя и Клодин собирала ягоды мичеллы.

В этот раз она отправилась в лес одна.

Клодин занималась заготовками. У Рамболя с самого утра была назначена какая-то встреча, которая грозила затянуться до вечера. Клементина не стала ему даже предлагать сопровождать её. Возможно, он согласился бы составить ей компанию, – не сегодня, так в другой раз – но Клементине совсем не хотелось заставлять его скучать рядом с собой, пока она станет наполнять корзину ягодами.

И, конечно, она не могла забыть недавнюю их с мужем ссору.

Клементина, безусловно, готова была принять во внимание негодование Оливье де Лоранса по поводу частых её с Рамболем прогулок. Сделать это было тем более просто, что Этьен Рамболь планировал покинуть Квебек в самое ближайшее время.

Клементина отказалась бы и от многого другого, если бы это хоть сколько-нибудь способствовало установлению мира в их доме. Но неприятность состояла в том, что как бы она ни старалась, что бы ни делала, ничто не успокаивало её мужа, не примиряло его с теперешним его положением.

Она даже не была уверена, что в дело – в ней. Не будь её, думала Клементина, он и тогда не чувствовал бы себя счастливым.

*

Ступив под сень деревьев, Клементина вдохнула прохладный осенний воздух полной грудью. Прислонилась к стволу, задрала голову, стала смотреть вверх.

Между кронами синело небо.

Был ясный день. И солнце – не жаркое, но умиротворяющее – пронизывало березняк насквозь, расцвечивало золотом пожухлую траву.

В лесу было тихо. Только где-то вдали едва слышно чирикала какая-то птица да шуршала листва под ногами Клементины.

Лес стал прозрачнее. И на ветвях берёз теперь редкими сполохами мерцали пожелтевшие, но не успевшие ещё осыпаться листья.

Клементина прижалась щекой к белому стволу. Прикрыла глаза.

Попыталась отогнать от себя вдруг вновь нахлынувшее на неё чувство одиночества.

Северак и Рамболь – ей несложно было признаться – играли в этом её настроении не последнюю роль. Она ругала себя, уговаривала, что не имеет права на их внимание, что не должна огорчаться, если они теперь не так уж стремятся быть с нею рядом.

Клементина убеждала себя – старалась изо всех сил. Но старания её были по большей части тщетными. И она всё пыталась найти причину этому, понять, что и где она делает не так?

*

Клементина так и замерла – задумалась. Стояла, обхватив обеими руками берёзовый ствол. Вспоминала.

Устав от упрёков мужа, она уже почти отказалась от дальних прогулок, ограничила свои выходы в город посещениями церкви. Большую часть времени проводила дома. Чтобы не скучать, пыталась найти себе занятия. Книг в доме не было, вышивать она не любила.

Она занимала себя, как могла: пекла пироги, готовила наравне со своими девушками обеды, убиралась в доме.

Пироги Клодин сразу относила беднякам – старикам, не имевшим в городе родни. От уборки девушки старались её оградить. Но сделать это им удавалось не так уж часто.

Она даже несколько раз бралась стирать, хотя это, последнее, действительно было для неё слишком тяжело. И Оливье...

Оливье де Лоранс, заставший её однажды за стиркой, раскричался так, что она испугалась, как бы звуки скандала не достигли соседских домов.

– Я предпочёл бы испытать на себе гнев короля, – кричал он, – чем жениться на вас, если бы знал, что быть прачкой – предел ваших мечтаний! Неужели вы не понимаете, что выглядите нелепо! Стыдно! Позорно!

Она выслушала тогда всё до последнего слова.

– Как вы мне надоели, – дослушав, проговорила тихо.

Он опешил, замолчал. Вышел из комнаты, позабыв прикрыть за собой дверь.

*

Клементина улыбнулась, вспомнив, тогдашнее выражение лица Оливье. Слава Богу, подумала, её перестало огорчать бесконечное брюзжание мужа. Продолжай она переживать об их не сложившихся отношениях, насколько тяжелее ей было бы жить!

Клементина смахнула коснувшуюся лица паутинку. Оторвалась, наконец, от берёзы.

Укорила себя за бездействие – взялась собирать ягоды. Одновременно задумалась снова, вернулась в воспоминания.

Она методично изнуряла себя работой.

К вечеру уставала так, что у неё не было сил говорить и двигаться. И всё равно через пелену усталости, застилавшую глаза, через неподвижность мышц и безучастность разума пробивалось отчаяние – она чувствовала себя одинокой.

Северак и Рамболь, недавно ещё дарившие ей немало душевного тепла, теперь свои силы, свои порывы и устремления отдавали другой цели и другому человеку. И, думая о нём, Клементина с трудом справлялась с раздражением.

О существовании это «другого» человека она узнала от Северака.

– Отчего вы стали редко бывать дома? – спросила она его однажды.

Покраснела, сообразив, что причину этого, возможно, ей совсем не следовало бы знать. Однако Северак рассмеялся, заметив её смущение. Ответил весело:

– Мой друг, господин де Мориньер, прибыл в Квебек с одним из последних кораблей. И я очень рад этому. Я не знаю человека более целеустремлённого и настойчивого. Теперь я уверен, у меня совсем не останется времени на безделье.

– Будто бы до сих пор вы позволяли себе бездельничать, – пожала она тогда плечами.

Она не знала ещё, как часто это имя будет заставлять её досадовать

– Мне надо увидеться с господином де Мориньером...

– Я обещал господину де Мориньеру потренироваться с ним на шпагах...

– Мы с господином де Мориньером собираемся на Орлеанский остров...

– ...в путешествие вдоль Святого Лаврентия...

– ...на другую сторону Лаврентия – осмотреть пару заброшенных фортов...

И Северак, и Рамболь произносили это имя с раздражающим Клементину энтузиазмом.

– Я обещал...

– Мы планировали...

– На завтра назначена...

Это невозможно было слушать.

*

Клементина наполнила наконец корзину мичеллой. Провела в последний раз ладонью по тёмным, блестящим листьям, стелющимся по земле. Присела на поваленный ствол.

Взяла одну ягоду мичеллы в рот – та была совершенно безвкусной. Клементина улыбнулась, вспомнив ягоды другие – недавно ею открытые. Те были кислые, с лёгкой горчинкой. Красные, с плотной кожицей, они лопались на языке и заставляли Клементину морщиться.

Клементина тихо засмеялась – индианка, протягивавшая ей тогда в ладони горсть ягод, ожидала совсем другой реакции. Она прищмокивала губами, цокала языком и всячески изображала удовольствие.

Произносила что-то странное:

– Сассаменеш, – твердила индеанка. – Сассаменеш⁶. Очень вкусно.

И Клементина не смогла её разочаровать. Она проглотила одну ягоду, потом вторую. Потом долго наблюдала за тем, как женщины готовили пеммикан – перетирали ягоды сассаменеш, смешивали их с сушёным мясом и жиром. Закладывали смесь в кожаные мешки.

– Зачем это? – спросила Клементина тогда.

– Зимой в долгих походах он даёт много сил, – отвечала важно индианка. – Очень хороший пеммикан⁷.

*

«Надо узнать, – думала Клементина теперь, лениво перекатывая кончиками пальцев ягоды в корзине, – где в этих местах собирают сассаменеш».

Клементина сидела, уговаривала себя – ещё немного покоя, и она отправится в обратный путь. Но неожиданный треск за спиной – будто кто-то очень тяжёлый прокладывал себе дорогу через кустарник – заставил её подняться раньше, чем она планировала.

Она не встревожилась поначалу. Повернулась, посмотрела в направлении, откуда раздавались звуки. За переплетёнными ветвями, густо покрытыми плотными мелкими листьями, она никак не могла разглядеть, кто же создаёт весь этот шум. Смотрела – скорее с любопытством, чем с волнением – на упругую дрожь высоких кустов.

Думала почему-то, что сейчас на неё выйдет человек – будто встречу в лесу с чужаком можно было считать безопасной. Только когда, раздвигая, разваливая по сторонам ветки кустарника, на неё выбрел медведь, Клементина испугалась. Отступила на шаг. Затаила в ужасе дыхание.

Большой чёрный зверь вывалился из кустов, замер на мгновение-другое. Потом замотал головой – по сравнению с туловищем она казалась какой-то слишком маленькой.

Зарычал негромко. Пошёл на Клементину – медленно, не сводя с неё взгляда.

*

До Клементины донёсся резкий запах дикого зверя. Медведь приближался, а она никак не могла решить, что ей теперь делать. Бежать было бессмысленно. Можно ли рассчитывать на то, что она сумеет убежать? В её-то состоянии!

Она пристально смотрела на приближающегося зверя. И вдруг заговорила. Громко, повелительно. Протянула к нему руку.

Медведь остановился, поднялся на задние лапы. Выпрямился. Стоял, покачивался. Глядел на неё мелкими, налитыми кровью глазами-бусинами. А она всё говорила и говорила – не понимала что именно. Как если бы кто-то другой управлял её губами, языком, гортанью.

Звуки её речи, кажется, привели зверя в замешательство. Он опустился на толстый зад. Какое-то время смотрел на неё ещё, потом, тряхнув головой, развернулся и медленно, перева-

---

⁶ так алгонкины называли клюкву

⁷ смесь ягод с мясом и жиром

ливаясь с бока на бок, направился обратно в лес – через кусты, ломая ветки и издавая недовольное рычание.

Клементина стояла, оцепенев.

Даже когда животное окончательно скрылось из поля зрения, она всё никак не могла прийти в себя. Продолжала стоять. Прислушивалась, вглядывалась в глубину переменившегося в мгновение ока пространства вокруг.

Лес стал совсем другим – настороженным, затаённым. И Клементина почувствовала себя странно – как если бы вдруг обострились в одно мгновение все её чувства. Она стала лучше слышать, видеть, ощущать. Может, именно поэтому она поняла в этот момент, что рядом кто-то есть.

Не стала озираться. Просто повернула голову, посмотрела на группу стоящих невдалеке елей. Оттуда исходило нечто, отдалённо предупреждающее об опасности. И в то же время именно теперь Клементина понимала, что тот, кто находится там – не несёт с собой угрозы.

Она расправила плечи. Сделала шаг навстречу. И не удивилась, когда дрогнули ветви, раздвинулись слегка. И оттуда, из тёмной еловой глубины, протянулся к ней взгляд – внимательный, сторожкий. Одобрительный.

*

Не было ничего случайного в том, что Уттесунк оказался теперь здесь – на другом берегу Лаврентия, так близко к домам этих проклятых белых. Он знал, что судьба ждёт его на этом берегу.

Всю первую ночь он говорил с Великим Духом. Шептал, кричал, снова шептал:

– Великий Дух! Дай мне острое зрение, чтобы выследить большого и сильного Лося, дай мне силы, чтобы нанести ему смертельный удар. О, великий Лось, прости меня за то, что я собираюсь тебя убить. Мне нужны твоя сила, твоё сердце, твоя мудрость. Великий Дух, направь мою стрелу.

Всю ночь он пел свою песню. Просил Великий Дух о помощи, испрашивал прощения у Лося за то, что намеревался его убить.

На вторую ночь он просил видения.

К этому времени они – три молодых охотника племени могавков – уже выследили группу лосей: двух самок и одного самца. До того, как им повезло увидеть животных воочию, они долго спорили, вглядываясь в оставленные животными следы.

– Две самки и детёныш, – говорил один.

– Этот след слишком глубок для самки. Это след самца, – качал головой другой. – Самка, взрослый самец и детёныш.

Уттесунк не спорил. Он шёл по следам лосей и ждал, когда сбудется пророчество великого Таронхайвакона. Вспоминал: «Там, на тропе охоты, ждёт тебя женщина, дочь клана Медведя. Не пропусти её».

Когда охота была закончена и наступила третья их ночь в лесу, два его друга уснули. А он сидел, вглядываясь в темноту. Ждал видения.

И в какой-то момент оно явилось. У самого лица его всплеснул крыльями ястреб, взлетел, описал круг. Потом другой круг. Третий. Взмыл в небо, которое вдруг сделалось светло-розовым. Скользнул к земле, снова поднялся к небу. И полетел – над кронами деревьев, через реку, на тот берег, мимо сверкающей под лучами Отца-Солнца скалы, мимо впивающихся в небо острых зубцов города, выстроенного белыми. Там покругил над лесом – Уттесунку казалось, он сам летит за ястребом. Не так быстро, не так высоко, но летит. И когда ястреб, издав торжествующий клёкот, сделал очередной круг над берёзами и выронил перо – будто обозначил место, куда следовало стремиться молодому индейцу, – Уттесунк вздрогнул.

Открыл глаза.

Он оставил своих друзей свежевать добычу, а сам направился к берегу. Идти было далеко. Он рассчитывал, что успеет добраться до реки до того, как сядет солнце. Не шёл – бесшумно скользил по тропе.

Перебравшись на другой берег, опустил на колени, приложил ухо к земле. Он искал медведя. Выслушивал его шаги среди других шагов, выискивал следы. Отмечал царапины на стволе, обломанные ветки, примятые полосы травы. Наткнувшись на отпечатки лап на влажной земле, воскликнул радостно:

– Угх! Благодарю тебя, Великий Дух! Охквари⁸ приведёт меня туда, куда надо.

Уттесунк был уверен – он идёт по той самой тропе, о которой говорил Таронхайвакон. Ещё стоя на той стороне реки, он знал, что ему следует делать. Лес подталкивал его в спину, волны Лаврентия направляли каноэ. Чужой берег принял его в свои объятия. Он всё делал правильно.

Только, увидев Клементину, ненадолго засомневался – Таронхайвакон говорил «сенека».

До тех пор сомневался, пока не выпрямилась, не заговорила эта белая женщина – горячо, пылко, убедительно. Она приказывала, и зверь повиновался. Уттесунк не шевелился. Внима-

---

⁸ «медведь» на языке ирокезов

тельно следил за чёрным охквари, держал наготове нож. Но знал, нутром чувствовал, что этот медведь не станет его добычей. Этот чёрный, с белым пятном на груди, медведь – страж его женщины. Её животное силы.

Смотрел на женщину с восторгом – великий дух заключён внутри неё. Такая достойна стать его женой! – думал. Оттого не удивился, когда женщина направила на него свой взгляд – горячий, неотступный. Он жёг Уттесунка, несмотря на ветви, укрывающие его, и грубость его кожи.

Уттесунк раздвинул ветки, обнаруживая своё присутствие. Потом и вовсе шагнул, выступил из-за елей. Принял позу горделивую, выставив вперёд одну ногу. Смотрел на неё пристально.

Когда она коснулась ладонями щёк, все сомнения пропали: это была она. Его женщина, его жена.

«Моё сердце – рядом с твоим сердцем», – говорил ему жест.

Он ещё раз оглядел её с ног до головы. Склонил голову, запоминая.

– Я приду за тобой, – сказал громко. – Когда тело твоё вновь станет твоим.

Увидев острый взгляд индейца, притаившегося за елями, уже шагнув к нему навстречу, Клементина вдруг почувствовала приступ дурноты – видимо, так с запозданием отреагировал организм на испытанный ею страх. У неё запылало лицо. И одновременно с этим заledenели пальцы. Чтобы прийти в себя, она прижала ладони к лицу.

Клементина не была уверена, что правильно поняла то, что произнёс молодой индеец. Он говорил резко, отрывисто и не слишком внятно – будто глотал часть произносимых слов. Чтобы сосредоточиться на его речи, она прикрыла глаза.

Когда Клементина их открыла, она была на поляне одна.

Глава 9. Вот ваши земли, монсеньор!

Мориньер не сводил взгляда с вычерченной им только что линии на карте.

Думал: «Ему очень повезло в том, что тут, на краю земли, собралось одновременно столько сильных, мужественных, готовых противостоять любым сложностям людей. И что люди эти готовы идти с ним».

Ему не пришлось никого уговаривать. Моряки согласились на его предложение ещё до того, как он успел закончить свою речь.

Они не привыкли прохлаждаться. Отсутствие ежедневных забот делало их раздражительными, даже злыми. Когда он, Мориньер, заговорил о выборе – зимовать в Квебеке или выстроить форт на берегу реки и переждать зиму там, подавляющее большинство высказалось за второй вариант.

– Что нам делать в городе? – кричали они. – Сидеть по сараям? С утра до ночи толкаться в тавернах? Так у нас и денег столько нет! А в сараях – не перезимуешь! Или замёрзнешь, или сопьёшься, согреваясь!

Мориньер улыбнулся – они были правы. Квебек плохо был приспособлен к приёму многочисленных гостей. В тавернах недоставало комнат, чтобы разместить такое количество моряков. Да и, Мориньер был уверен, горожане не очень-то хотели, чтобы столько молодых бездельников коротало месяцы в городе. В Квебеке и без них хватало проблем.

Так что две корабельные команды – экипажи «Целестины» и «Сабины» – готовились в ближайшее время выступить в поход. Лишь несколько человек из команды «Целестины» оставались в Квебеке со своим капитаном Моленкуром, чтобы следить за ремонтом судна и при необходимости способствовать ему.

Северак тоже выказывал желание следовать за ним, Мориньером. Более того, он настаивал. Однако Мориньер просил его не покидать города.

– Мне может понадобится ваша помощь именно здесь, – сказал он.

*

Мориньер отложил перо, потянулся. Вспомнил недавнюю свою встречу с секретарём суда, господином Бонна.

Бонна показался Мориньеру человеком забавным и в какой-то мере симпатичным. Выражение лица епископа Лавалья, волею случая присутствовавшего при их с секретарём суда разговоре, демонстрировало полное с ним, Мориньером, на этот счёт согласие.

Присаживаясь рядом с Мориньером на стоявшую в приёмной банкетку, монсеньор де Лаваль коснулся его руки:

– Господин Бонна у нас – гроза всех растяп и ротозеев. В делах его царит безупречный порядок.

Мориньер кивнул. Понял, что хотел сказать ему епископ: «Свой общественный долг господин Бонна знает хорошо и следует ему безукоризненно. А что ещё требуется от слуги закона?»

Собственно, Мориньер и не собирался это опротестовывать. Улыбался только, наблюдая за происходящим.

Господин Бонна принял его сразу – рекомендации отца Лалемана и присутствие рядом с новоприбывшим епископа де Лаваль были достаточно веской причиной для того, чтобы проявить к посетителю уважение. Но дальше дело ощутимо замедлилось. Господин Бонна очевидно не собирался плясать под чью бы то ни было дудку.

Он молча принял у Мориньера бумаги. Перечитал несколько раз письмо, рассмотрел его со всех сторон, внимательно изучил все прочие документы. Был почтительно-медлителен. «Вы все, безусловно, люди достойные, – говорил весь его вид, – но и мы тут не зря штаны просиживаем. Уж извините».

Это «уж извините» так явственно читалось на его лице, что Мориньер чувствовал даже что-то вроде умиления.

И монсеньор де Лаваль улыбался едва заметно – «очень дотошный человек, очень».

Наконец, удостоверившись, что всё в порядке, Бонна с важностью достал карту, положил её на стол, склонился над ней. Пригласил своих собеседников последовать его примеру.

– Вот ваши земли, монсеньор.

Бонна обвёл карандашом довольно значительную площадь.

– Но, боюсь, мы мало знаем о том, что там теперь происходит, – признался он. – Когда-то вся эта территория полностью принадлежала могавкам, однако за последние двадцать с лишним лет произошли кое-какие перемены.

– Эти знаки – деревни?

Мориньер коснулся пальцем отметки на карте.

– Да. Но я не стал бы доверять этим значкам, – доверительно проговорил Бонна. – С тех пор, как была составлена эта карта, много воды утекло. Войны, болезни... Всё это вместе меняет облик здешних мест очень быстро. В прошлом году, например, страшная эпидемия напала на индейцев, обитавших на той стороне реки. Насколько мы знаем, из тех индейцев мало кто выжил. Оставшиеся в живых бежали из этих мест. Ушли в леса – в самую глубину их. Надеялись, что там смерть их не найдёт.

Он внимательно посмотрел на Мориньера.

– Это не слишком дружелюбная страна, монсеньор.

*

Мориньеру не потребовалось много времени, чтобы выяснить о дарованных ему землях на порядок больше того, что открыл ему Бонна.

Отдавая ему земли на южном берегу Святого Лаврентия, его величество – осознанно или нет – бросил его в самую гущу теперешних территориальных споров. Ирокезы, прежде занимавшие всю эту область, а позднее отброшенные алгонкинами к югу, в последние годы настойчиво пытались вернуть себе принадлежавшие им когда-то пространства.

Белые на южной стороне Лаврентия селились неохотно. Жались к реке, вглубь территории заходить не рисковали. И это было понятно. Здешняя земля была арендой бесконечных схваток. И если на открытом пространстве французы ещё как-то могли противостоять аборигенам, то в лесах большинство из них чувствовали себя беззащитными, как младенцы.

Они не умели воевать против индейцев. Их, индейцев, тактика – подкрасться, броситься на врага, залить кровью несчастную землю и исчезнуть, испариться, как не было, – приводила белых поселенцев в неистовство.

Военный губернатор – Мориньер выслушал от Филиппа немало на его счёт возмущённых речей – брызгал слюной, оправдывая огромные потери, которые понесли колонисты в одном из последних, предпринятых им, военных походов.

– Проклятые ирокезы! – бушевал тот. – Трусливые животные! С ними невозможно воевать! Они нападают исподтишка и исчезают сразу после нападения, вместо того, чтобы честно принять бой!

Рассказывая о том, как проходил последний Совет, Филипп не в состоянии был удержаться от возмущения.

– Этот Клод де Жерве – совершеннейший болван. Нет, ещё хуже! Самовлюблённый болван! Он мнит себя великим полководцем, тогда как на самом деле ни черта не смыслит в военном деле. Из-за его идиотских решений гибнут люди. Бессмысленно гибнут. Нелепо.

– Что ж, – ответил тогда Мориньер, – вы ведь за этим сюда и прибыли. Собирайте сведения, пишите его величеству.

– Безусловно, я так и сделаю. Но проблема в том, что Клод де Жерве говорит ровно то, что желал бы слышать его величество. Если я напишу нашему королю о тех военных операциях, которые планирует Клод де Жерве, Людовик первым будет ему рукоплескать.

– Значит, вам надо описать всё таким образом, чтобы этого не произошло, – спокойно заметил Мориньер.

*

Мориньер внимал жалобам Филиппа очень внимательно. Но в эти, первые, дни их пребывания в Новой Франции беспокоило его всё-таки другое.

Им следовало как можно скорее обустроиться на этой земле. Не просто выстроить форт, а сделать это именно там, где у них был бы максимальный шанс выжить.

Совсем недавно, слушая предупреждения господина Бонна, Мориньер улыбался. Однако это не значит, что он не слышал. Больше того, Мориньер полагал, что, произнося: «это не слишком дружелюбная страна, монсеньор» – господин Бонна проявил исключительную сдержанность и осторожность в оценках.

Так что Мориньер самым тщательным образом выбирал место для строительства своего форта.

Он отверг массу предложенных ему отцом Лалеманом вариантов и наконец остановил своё внимание на самой окраине дарованных ему земель, граница которых проходила по реке Шодьер.

– Мы выстроим форт здесь, – сказал он, касаясь пальцем синей извилистой линии.

Отец Лалеман, настоятель иезуитов, до тех пор склонявшийся над картой, выпрямился.

– Почему именно там?

– Такое расположение его, – мягко ответил Мориньер, – кажется мне самым правильным.

Он не стал больше распространяться на эту тему. Выслушал доводы отца Лалемана, который в очередной раз пытался склонить его к строительству форта на много миль южнее. Кив-

нул, обозначая, что услышал всё насчёт беспокойного характера реки и сложностей, которые могут их ожидать, когда они решат строиться в тех диких, трудных для обустройства местах. С благодарностью выслушал советы и информацию, которой настоятель иезуитов счёл нужным с ним поделиться. С удовольствием предоставил тому возможность поправить отрисованную Мориньером карту.

Отец Лалеман отметил на карте места, где пороги особенно мощны. Сделал ещё несколько пометок, относящихся к делу.

– Вот здесь, – он ткнул пальцем в самое устье реки Шодьер, – располагается крупный водопад. О нём, впрочем, можно было вас и не предупреждать. Вы увидите его почти сразу, как начнёте продвигаться вверх по течению. Вот тут и тут – крайне неприятные пороги. Выступ левого берега образует мощный слив, правая сторона более пологая. Но в любом случае, будете вы идти нагруженными или налегке, рассчитывать на удобное продвижение по реке не стоит.

Мориньер поблагодарил иезуита, обещал тому сразу же, как только будет точно выбрано место для строительства, дать ему знать об этом. И ничего не сказал об истинных причинах такого его выбора расположения форта.

А главная причина состояла в том, что Мориньер желал максимально отстраниться от необходимости вступать в борьбу за территории. Он рассчитывал, выстроив форт в выбранном им месте, получить время для того, чтобы устроиться, наладить отношения с нынешними хозяевами земель и, по возможности, с их противниками.

Он знал, что победа не всегда достаётся самому сильному. И далеко не всегда самому убеждённому в своем праве. Очень часто победа достаётся тому, кто умеет выжидать.

Как только Мориньер стал уверен в том, что принятое им решение – окончательно, он собрал всех, кто согласился провести эту зиму с ним. И отправился в путь.

И вот уже который день чуть больше полусотни здоровых, сильных мужчин с рассвета до темноты валили деревья, обтёсывали бревна. Ставили палисад, строили дома. Трудились не покладая рук.

Они очень спешили. Дни становились короче, ночи – холоднее.

Они спали на земле, на открытом воздухе, укрываясь шкурами. Мечтали о том, как бы поскорее закончить хотя бы первый дом – очень уже хотелось им затопить камин и уснуть, наконец, в тепле.

Форт решено было выстроить в излучине реки. Порожистая, бурная, здесь она делала петлю, огибая высокий, трещиноватый скальный массив. На этой-то площадке, с одной стороны укрытой от реки высокой скалистой стеной, и строили они теперь себе дома. Именно здесь рассчитывали провести зиму. А, возможно, – кто знает! – и остаться надолго.

Глядя на то, как подвигаются дела, Мориньер улыбался довольно. Приглядывался к людям, делал выводы. Все они работали слаженно, были достаточно дружелюбны друг к другу и, казалось, можно было надеяться на то, что зимовку удастся пережить без особых проблем.

Только два человека вызывали у него сомнения. Оба – из команды Жака Обрэ.

Мориньер начал присматриваться к ним ещё в те дни, когда вместе с Филиппом де Грасьен на судне Жака Обрэ пересекал Атлантику. Была в них какая-то скользкость, ненадёжность. Непрямой взгляд, уклончивые речи. Беспокойные пальцы. Мориньер наблюдал, как

сжимали-разжимали они кулаки, елозили локтями по столу, стучали пальцами по столешнице, хрустели суставами.

В их лицах он часто замечал напряжение. «Это само по себе, впрочем, не стоило бы внимания, – считал Мориньер, – если бы, сталкиваясь с ним взглядом, они в одно мгновение не прятали агрессию за масками смиренной, слегка даже туповатой доброжелательности».

– Хорошо ли вы знаете этих людей, Жак? – спросил он однажды.

Обрэ посмотрел на него с удивлением.

– Именно этих – недостаточно хорошо. Я взял их на судно в последний момент, после того, как обнаружилось, что не все из отцовской команды готовы отправляться в этом году в столь дальнее плавание. Но почему вы заговорили о них, монсеньор? До сих пор они выполняли все свои обязанности не хуже остальных.

Мориньер кивнул, – да, я знаю.

– И всё-таки приглядитесь к ним, Жак.

*

Мориньер положил топор на козлы, развернул засученные рукава, набросил на плечи камзол. Подозвал к себе Жака Обрэ. Вместе с ним спустился вниз по тропе, обогнул каменистый выступ – продолжение выступающего в реку массива.

Они прошли сотню-другую шагов до галечного пляжа. В этом месте течение было относительно спокойным. Лишь небольшие перекаты у противоположного берега предупреждали о том, что скоро река станет гораздо менее дружелюбной.

Здесь, на берегу, подставляли холодному осеннему ветру бока маленькие, лёгкие каноэ. Некоторые из них принадлежали индейцам, работающим теперь в форте. Другая, большая часть, была оставлена тут жителями небольшого селения, расположенного невдалеке. Отсюда, с пляжа, было видно, как из сгрудившихся у самого леса остроконечных типи выходил дым – невысоко, развеивался тут же ветром, расплывался над древней лиловым маревом.

Они, французы, уже нанесли алгонкинам визит, одарили их всякими приятными индейцам мелочами – завязали отношения с соседями.

Алгонкины приняли их весьма гостеприимно. И знакомством остались довольны.

Но Мориньер всё равно испытывал тревогу.

*

– Завтра я уйду, Жак.

Жак Обрэ подбросил носком сапога камушек. Потом остановился, заложил руки за спину.

– Вы ведь не собираетесь идти один?

– Нет.

Мориньер обернулся, посмотрел в направлении форта. Стены, воздвигнутые недавно, с этой точки были едва видны – от взглядов с реки их укрывала высившаяся над фортом скала.

– Я возьму с собой двух индейцев. Вы справитесь тут?

– Конечно.

– Скоро должны прийти первые каноэ с оружием.

– Я помню.

Жак Обрэ выглядел сосредоточенным, но ни в малейшей степени не озадаченным.

– Когда вы рассчитываете вернуться, монсеньор?

Мориньер развёл руками – не знаю.

– Вам придётся кроме всего прочего позаботиться о запасах на зиму. Отправьте всех, кто не будет занят строительством, на охоту. Полсотни голодных мужчин, запертых в стенах форта несколько долгих месяцев, – не шутка.

Жак кивнул коротко.

– Я всё сделаю. Не беспокойтесь.

*

Мориньер беспокоился. Ему не очень нравилась необходимость покидать форт сейчас – когда так много ещё надо было сделать, когда он не мог дать остающимся исчерпывающих указаний, а, следовательно, не мог быть уверенным, что держит ситуацию под контролем.

Он усмехнулся. А могут ли вообще белые в этой части света быть в чём-то уверенными?

За последние недели он успел сделать многое. И при этом далеко не был убеждён, что в плане понимания окружающей обстановки продвинулся достаточно далеко. Он сумел наладить отношения с соседями – более или менее. Однако совсем не был уверен в том, что всякий раз правильно оценивает их поведение.

Сидя в кругу индейцев, раскуривая с ними трубку, слушая то, что переводили ему его проводники, глядя в их бесстрастные лица, он думал о том, что многие прежние его умения тут мало чего стоят. Он не умел пока считывать с этих лиц. Не понимал, блефуют они или говорят правду, можно ли верить их словам и полагаться на их обещания. Он не чувствовал их – не понимал их рассуждений, не умел рассчитать и верно оценить их приоритеты.

Но он уже видел: представление их, белых, о населявших Новый Свет народах было, как минимум, неполно. Как максимум – ошибочно.

Только оказавшись здесь, он осознал, насколько сложно рассчитывать на успешное развитие колоний до тех пор, пока не будет осмыслена и понята простая идея: индейцы – не выбеленный пергамент, на котором всякий может написать то, что посчитает нужным. У них – своя система ценностей, своё видение мира, своя логика. Пытаться выстроить что-то на их земле, не считаясь с их представлениями о миропорядке, не получится.

А ещё он понимал, что ему надо спешить.

Мориньер рассмеялся, припомнив сказанное его величеству: «Я намерен там сибаритствовать от души».

Он никогда не был так далёк от истины, как в тот раз.

*

Идти было легко.

С утра подморозило. На траве, на льнувших к земле разноцветных листьях блестела лёгкая изморозь. Сквозь заметно попрозрачневшие за последние дни кроны деревьев просвечивало солнце. И от земли вверх, в тех местах, где лучи касались её поверхности, поднимался едва заметный парок.

Он шёл по лесу лёгким пружинящим шагом. И с каждым преодолённым лъё чувствовал, как внутри него растёт и крепнет нечто природное, что не проявлялось и не могло проявиться в условиях цивилизации – какая-то внутренняя сила, уверенность, выносливость.

Мориньер не уставал. Напротив, он ощущал, как это природное внутри него раскрывается, усиливается, обостряется. Он лучше слышал, мягче двигался, острее обонял.

Индейцы, которые сопровождали его, тоже ощущали это. И с лиц их постепенно сходило выражение превосходства. Этот белый, думали они, сильнее, чем кажется. Этот белый в душе – индеец.

Они переходили вброд ручьи, спускались в овраги и взбирались на крутые утёсы. Поднимаясь на вершины, откуда открывался лучший вид, Мориньер останавливался. Вглядывался в синюю даль. Оценивал расстояния, ориентировался, запоминал.

Молчал. Не задавал вопросов, не обращался к своим сопровождавшим. Это тоже вызывало у них уважение. Белые так любят командовать. А этот – они оглядывали его со стороны – шёл быстро, не сбивая дыхания. Нёс такую же, как у них, связку за спиной – немного еды, оружие, одеяло.

Ел мало, спал чутко.

Мориньер привыкал. Поначалу казавшийся враждебным лес с каждым днём всё больше ему открывался.

Мориньер начинал замечать то, что прежде ускользало от него – следы на земле, клочья шерсти на ветвях, отметины от когтей и зубов на стволах деревьев. Будто заново учился видеть.

Глава 10. Два мира

Филипп де Грасьен сидел у очага, уставившись в огонь. На коленях его устроилась молодая женщина.

Она напоминала Филиппу кошку. Мягкая, гибкая – женщина и вела себя так же: покусывала мочку его уха, щекотала носом шею, жарко дышала в плечо.

И теперь, напоминая о себе, она провела острым ноготком по его руке.

– Перестань, Сирен, – он легко шлёпнул её.

Двинул ногой, будто стряхивая её с колен.

– Ступай. Одевайся и ступай. Антуан проводит тебя.

Он уже хотел, чтобы она ушла.

Женщина поднялась. Взглянула на него укоризненно из-под длинных ресниц. Покачивая бёдрами, направилась к двери.

Сирен не была шлюхой.

Она жила со старой матерью и сёстрами на границе Верхнего и Нижнего города – так же как и на границе двух миров: добропорядочного и порочного. И до того, как Филипп де Грасьен, королевский посланник, сделал ей недвусмысленное предложение, вела жизнь молодой вдовы – равно не слишком легкомысленную и не слишком благопристойную. Ровно такую, какую могла себе позволить, находясь в том положении, в каком оказалась, когда однажды её супруг не вернулся с охоты.

Она не любила мужа, потому скорбела недолго и скорее приличия ради. Как только Сирен перестала носить траур, она больше не была одна. Вокруг всегда были те, которые рассчитывали на её благосклонность.

Сирен знала, что нравится мужчинам, но расчётливость до недавних пор не позволяла ей принимать сыпавшиеся со всех сторон предложения. Все эти люди – те, что крутились возле неё, – были её недостойны. Она ждала принца. И однажды дождалась.

На неё обратил внимание королевский посланник.

Он сидел в таверне, за небольшим столом, в полном одиночестве. Пил вино. О чём-то размышлял.

Натолкнувшись взглядом на неё, заведшую у стойки разговор с хозяином таверны, её дядюшкой, откинулся на спинку стула. Молчал. Смотрел на неё долго и неотрывно. Потом изогнул бровь.

Проходя мимо, она зацепилась плащом за соседний стул. Наклонившись, мужчина ловко ухватил её за край одежды. Со стороны казалось, что он помогал ей освободиться. Однако, выпускать из рук её плащ он не торопился.

Ногой отодвинул стул от стола. Повёл головой.

– Присядь на минутку, – сказал.

От хрипловатого его голоса у неё задрожали ноги.

Она уже знала, что он скажет. И понимала, что в этот раз от предложения не откажется.

*

Филипп де Грасьен встретил недовольный взгляд камердинера спокойно – он был к нему готов. Пожал плечами:

– Я забыл уже, Антуан, когда ты глядел на меня по-другому.

Тот придал лицу виноватое выражение:

– Могу ли я, ваша милость...

Но притворство его было очевидно. Филипп махнул рукой – не валяй дурака.

Ему и самому не очень нравились теперешние его отношения с этой женщиной. Не то, чтобы Филиппа мучила совесть. Но он осознавал, что в определённой степени пользуется её доверчивостью. Сирен не была простодушна и наивна, но и не была достаточно умна для того, чтобы принять очевидное: у их отношений нет никакого будущего.

Он понимал, что в глубине души женщина рассчитывает на это будущее. Но не разубеждал её. В конце концов, говорил он себе, его ли это дело, что она там себе думает и на что надеется?!

Тем более что других претенденток на роль постоянной любовницы он не видел. Посещать же шлюх, работавших в Нижнем городе, – было не по нему.

Так он и держал её при себе – всё больше по необходимости и удобства ради.

Сетовал мысленно на то, что в Квебеке общество чересчур целомудренно. Поневоле время от времени играл забытую им уже роль перспективного жениха. Чувствовал себя при том категорически неловко. Здешние замужние матроны были слишком неприступны, а дочери их – чересчур неловки и навязчивы. Последние готовы были ответить на его ухаживания исключительно в обмен на брак.

Брак – сначала.

Среди всех – он вдруг вспомнил и улыбнулся – выделялась одна: молодая жена графа де Лоранс. Он, пожалуй, не возражал бы против интрижки с ней, если бы она не была так глубоко в положении. Было в этой женщине что-то, – Филипп заметил это в первый же день их знакомства – что не просто выделяло... отделяло её от общества высоченной, практически непреодолимой стеной.

Он всё пытался определить для себя, чем она так уж сильно от всех них отличалась. И никак не мог подобрать слов. Она просто была иной.

Клементина де Лоранс редко принимала участие в общих разговорах. Говорила тихо и только с теми, кто подходил сам побеседовать к ней.

Он, Филипп, наблюдал за ней из любопытства. В молодой женщине не было жеманства – она была проста и естественна. Не держала на лице улыбку, как это делали прочие. Не пыталась привлечь к себе внимание.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.